

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

САЙМОН
СКЭРРОУ

КРОВАВЫЕ
ВОРОНЫ РИМА

Саймон Скэрроу
Кровавые вороны Рима
Серия «Орел», книга 12

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9000770
Кровавые вороны Рима : Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78224-6

Аннотация

Восемь лет назад армия императора Клавдия нанесла союзу британских племен сокрушительное поражение. Император вернулся в Рим, чтобы объявить о своем триумфе и окончательном завоевании Британии. Действительность оказалась не столь радужна: идут годы, а непокорные племена все бунтуют, убивая солдат, сжигая укрепления и не теряя надежды прогнать надменных римлян со своей земли. Сюда-то, в кишасщую дикарями глушь на краю цивилизации, и направились старые друзья, бывалые вояки Луций Макрон и Квинт Катон. Новое место их службы – форт, где командует центурион-изувер, твердо решивший: единственный способ подчинить варваров – это внушать ужас, превзойдя их в варварстве...

Содержание

Краткая справка о составе римской армии	4
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	51
Глава 9	59
Глава 10	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Саймон Скэрроу

Кровавые вороны Рима

Исторический роман

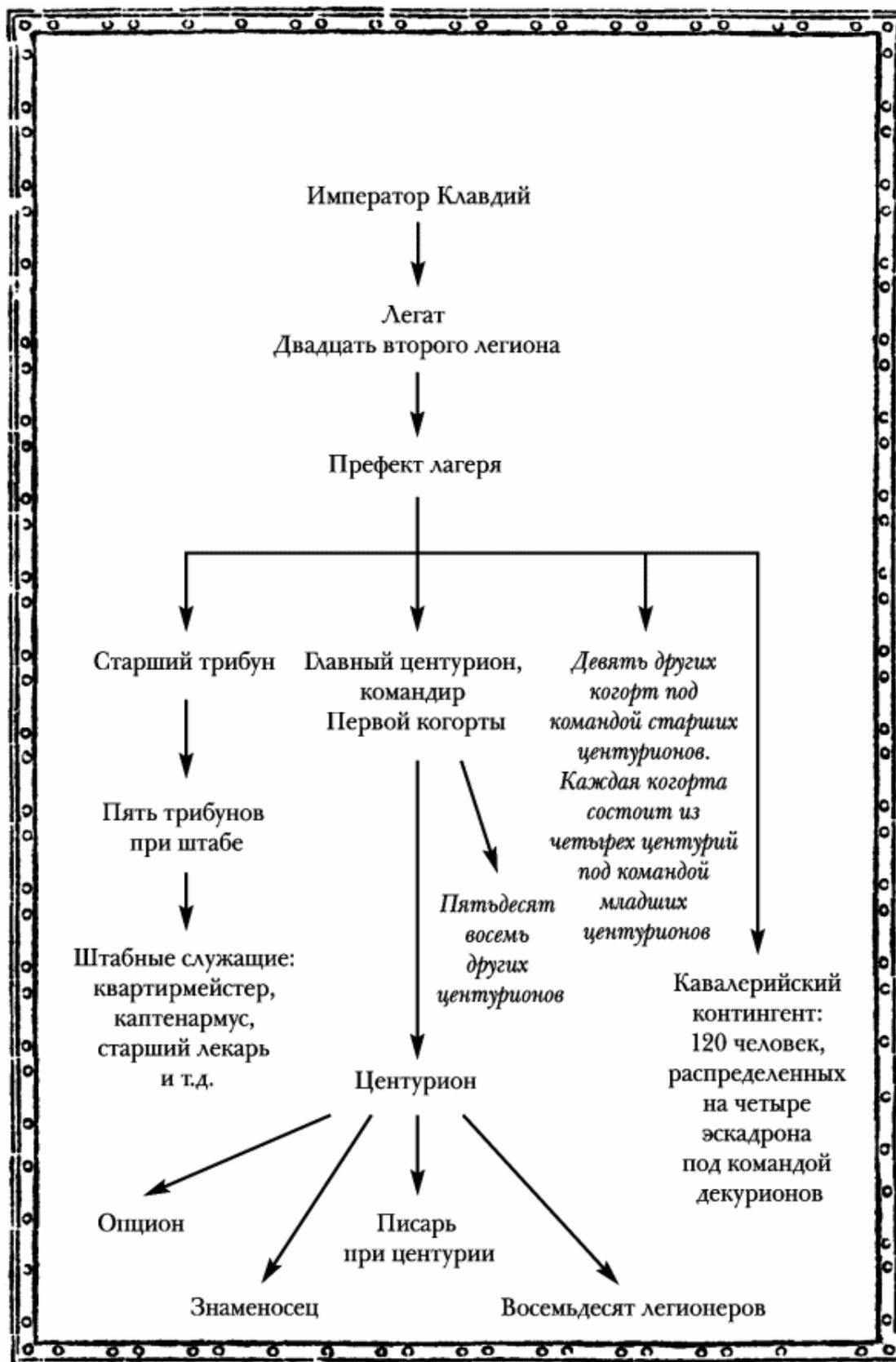
Ad meus plurimus diutinus quod optimus amicus, Murray Jones¹

Краткая справка о составе римской армии

Четырнадцатый легион, как и прочие легионы римской армии, состоял из пяти с половиной тысяч воинов. Главной боевой единицей легиона являлась центурия из восьмидесяти человек, во главе которой стоял центурион. Центурия, в свою очередь, подразделялась на отряды из восьми солдат, которые жили в одном помещении в казарме или палатке во время военных кампаний. Шесть центурий объединялись в когорт, а десять когорт – в легион, при этом первая когорта была вдвое больше по численности. Каждый легион сопровождал кавалерийский контингент из 120 всадников, который делился на четыре эскадрона. Кавалеристы исполняли обязанности разведчиков и вестовых.

В римской армии была установлена следующая субординация в нисходящем порядке.

Легат – человек аристократического происхождения, как правило, лет тридцати пяти. Легат осуществлял командование легионом в период до пяти лет в надежде создать себе имя и получить возможность дальнейшего продвижения в политической карьере.

Префект лагеря – седеющий ветеран, прежде служивший в звании старшего центуриона легиона и находившийся на пике профессиональной военной карьеры. Он обла-

дал огромным военным опытом и высокими моральными качествами. В случае отсутствия, ранения или гибели легата командование легионом переходило к нему.

Шесть трибунов исполняли обязанности штабных офицеров. Обычно они были молоды, немногим больше двадцати лет, и служили в армии с целью приобретения административного опыта, прежде чем получить младшие должности в гражданской администрации. Положение старшего трибуна было иным. Впоследствии этого человека ждали высокие политические должности, и, в конце концов, он принимал командование легионом.

Шестьдесят центурионов составляли «хребет» легиона и обеспечивали дисциплину и боевую подготовку. Этим воинов тщательно отбирали за командирские качества и готовность сражаться до последнего вздоха. Соответственно, потери в их рядах были выше, чем у остальных. Главный центурион командовал первой центурией первой когорты, имел множество наград и пользовался большим уважением.

Четыре декуриона в легионе командовали кавалерийскими эскадронами. Хотя ведутся споры по поводу существования должности центуриона, осуществлявшего общее командование кавалерийским контингентом.

У каждого центуриона имелся помощник: **опцион**, который исполнял обязанности ординарца и второстепенные командирские обязанности. Опцион жил в ожидании вакансии в центурионате.

После опциона низшими по званию были **легионеры**, подписавшие двадцатипятилетний контракт на службу в армии. Теоретически легионером мог стать только гражданин Римской империи, однако активно набирались рекруты из числа местного населения, которые после вступления в легион получали римское гражданство. Легионеры получали хорошее жалованье и время от времени могли рассчитывать на дополнительное вознаграждение от императора, когда тот чувствовал, что пора подкрепить верность воинов.

После легионеров шли воины **наемных когорт**, которых набирали в завоеванных провинциях. Они служили в кавалерии, легкой пехоте и других подразделениях. Римское гражданство эти воины получали по окончании двадцатипятилетнего срока службы. Кавалерийские подразделения, как Вторая фракийская когорта, имели численность либо пятьсот, либо тысяча человек. В последнем случае командование осуществляли самые опытные и талантливые командиры. Имелись также смешанные когорты, где на треть конных воинов приходилось две трети пехотинцев, которые поддерживали порядок на близлежащих территориях.

Глава 1

Февраль, 51-й год нашей эры

Колонна всадников с трудом продвигалась по тропе к вершине холма. Вдруг командир осадил коня и поднял руку, приказывая остановиться. Недавно прошедшие проливные дожди размыли тропу, превратив почву в жидкую липкую грязь, в которой вязли копыта кавалерийских лошадей. Промозглый воздух наполнился тяжелым храпом животных и хлюпающими звуками, раздававшимися при каждом шаге. Сбавив ход, колонна остановилась, лошади радовались неожиданной передышке, и из их ноздрей вырывались струи горячего пара. Командир был одет в красный плащ из толстой ткани, под которым виднелись начищенная до блеска нагрудная пластина и перевязь со знаками отличия, указывающими на звание. Легат Квинтат, командир Четырнадцатого легиона, охраняющего по приказу императора западную границу недавно завоеванной римлянами провинции Британия.

Задача оказалась нелегкой. Прошло почти восемь лет со дня высадки римской армии на остров где-то на краю света. В то время трибуну Квинтату едва перевалило за двадцать, его сердце переполняли чувство гордости и страстное желание завоевать славу для себя, Римской империи и только что взошедшего на трон императора Клавдия. Армия с боями пробивалась вглубь острова, нанося поражение за поражением огромному войску, собранному из местных племен под предводительством Каратака. Вконец измотав противника, римские легионы нанесли местным воинам сокрушительный удар на последнем рубеже, прямо перед их столицей Камулодун².

Тогда эта битва казалась решающей, и сам император прибыл в Британию, чтобы лично удостовериться в победе и заявить о своих правах на завоеванные земли. После заключения

² Современный Колчестер.

договоров с большинством вождей местных племен Клавдий вернулся в Рим, чтобы возвестить о своем триумфе и сообщить людям об окончательном покорении Британии.

Да только с покорением вышла неувязка. Под гнетом тяжелых мыслей легат нахмурился. Проигранное генеральное сражение не сломило воли Каратака и не ослабило стремления оказывать сопротивление захватчикам. Получив жестокий урок, он понял, что глупо бросать в бой в открытом поле своих отважных, но плохо обученных воинов против римских легионов. Теперь Каратак вел продуманную коварную игру, заманивая колонны римлян в ловушки и посылая летучие отряды грабить продовольствие и нападать на сторожевые посты. Потребовалось семь долгих лет, чтобы загнать Каратака в горы, где жили племена силуров и ордовисов, славящихся своей воинственностью, которую непрестанно подпитывала фанатичная ярость друидов. Эти племена были исполнены решимости сражаться с римлянами до последней капли крови. Они провозгласили Каратака своим вождем, и в новый центр сопротивления стали стекаться воины со всего острова, в чьих сердцах горела неистовая ненависть к римским захватчикам.

Зима выдалась суровой, и пронизывающие до костей ветра и ледяные дожди вынудили римскую армию приостановить военные действия на долгие мрачные месяцы. И лишь к концу зимы, когда стали рассеиваться свинцовые облака и густые туманы над гористой местностью у границы, римские легионы возобновили кампанию против непокорных местных племен. Губернатор провинции Осторий Скапула отдал Четырнадцатому легиону приказ продвигаться вперед, в покрытые лесом долины, и строить крепости, которые сыграют решающую роль в готовящемся весеннем наступлении. На действия римлян противник ответил молниеносным ударом по самым сильным колоннам, посланным в его земли, поразив своей жестокостью легата Квинтата. Речь шла о двух когортах легионеров численностью почти в восемьсот человек. Командующий колонной трибун в самом начале атаки послал к легату вестового с просьбой срочно прислать подкрепление. На рассвете Квинтат выступил с оставшейся частью легиона из Глевума и теперь, по мере приближения к форту, выехал вперед под охраной отряда разведчиков. Сердце легата терзали тяжкие предчувствия, он страшился зрелища, которое ждало в крепости.

За холмом простиралась долина, уходящая вглубь земель силуров. Легат напряг слух, стараясь не замечать тяжелого дыхания лошадей за спиной. Однако впереди не раздавалось ни звука. Ни глухого ритмичного стука топоров, которыми легионеры рубят деревья, чтобы выстругать бревна для строительства крепости, а потом создать широкий кордон из свободного пространства вокруг рва. Ни голосов, разносящихся эхом по склонам с обеих сторон, ни шума битвы.

– Опоздали, – тихо пробормотал легат. – Опоздали.

Сердцась на себя за несдержанность, он быстро огляделся по сторонам. Только бы воины из эскорта не услышали его слов! Но они с безучастным видом ждали распоряжений командира. Нет, не с безучастным! На лицах всадников застыла тревога, а глаза всматривались в окрестности: не затаился ли поблизости враг? Легат тяжело вздохнул и прищипорил коня. Животное, словно чувствуя волнение хозяина, прядало остроконечными ушами. Тропа стала ровнее, и вскоре ехавший в авангарде всадник уже отчетливо видел въезд в долину.

Строительная площадка находилась в полумиле от отряда. Открытое широкое пространство очистили от сосен, оставшиеся пни походили на сломанные зубы, торчащие из взрытой земли. Еще отчетливо вырисовывались очертания крепости, но на месте глубокого рва, земляного вала и изгороди виднелись лишь груды обгоревших бревен и телег, да остатки палаток, с которых были сорваны и втоптаны в грязь покрытия из козьих шкур. Вал был разрушен во многих местах, а земля и деревянный фундамент сброшены в ров. Повсюду валялись тела убитых людей, лошадей и нескольких мулов. С трупов сорвали одежду, и издали они напоминали Квинтату личинки насекомых. От такого сравнения у легата про-

бежал по спине холодок, и он торопливо выбросил жуткую мысль из головы. За спиной слышались приглушенные возгласы и проклятия воинов, с ужасом рассматривающих место бойни. Лошадь легата замедлила шаг и остановилась. Квинтат со злостью вонзил ей в бока шпоры и, хлестнув поводьями, пустил рысью.

Признаков опасности не наблюдалось. Враги, завершив свое черное дело несколько часов назад, скрылись с добычей, торжествуя победу. После набега остались только руины форта, телеги да мертвецы. Да еще пирующее над трупами воронье. Подъехавшие всадники вспугнули птиц, и те разлетелись в стороны, наполняя воздух хриплым карканьем, негодуя на пришельцев, нарушивших трапезу. Они кружили над головами, словно черные ленты на штормовом ветру, оглушая легата мерзкими криками.

Квинтат придержал коня у разрушенных главных ворот. Бревенчатые башни форта построили первыми, а теперь от них остался лишь обугленный каркас, из которого еще вились тонкие струйки дыма. Они поднимались в воздух на фоне скал и покрытых деревьями склонов холмов, сливаясь с серыми облаками, придавливающими землю. С обеих сторон ров подходил к углам форта, где располагались остатки башен. Прицелкнув языком, легат направил коня мимо разрушенной караульной будки. На дальнем краю находились земляной вал и полоса открытого пространства внутри оборонительных сооружений. Чуть выше виднелись покореженные ряды палаток и первые тела убитых, сваленные в кучу, лишенные одежды, доспехов и обуви. Скрюченные трупы были покрыты кровью, которая все еще вытекала из черных зияющих ран. Над мертвецами успело потрудиться воронье: у некоторых птицы выклевали глаза, и на их месте виднелись черные провалы. Несколько трупов обезглавили, и на обрубках застыла черная густая кровь.

Квинтат молча рассматривал погибших легионеров, а один из штабных офицеров остановил рядом коня и с горечью заметил:

– Похоже, некоторые из наших воинов приняли бой. И то хорошо.

Квинтат проигнорировал слова офицера. Легко представить последние мгновения жизни этих людей, до самого конца сражавшихся спина к спине. А потом, когда прикончили последнего раненого, враги сорвали с воинов одежду, забрали оружие и снаряжение. Каратак забрал все, что пригодится впоследствии его воинам, а остальное сбросил в ближайшую реку или закопал, чтобы не досталось римлянам и не вернулось на склады Четырнадцатого легиона. Квинтат поднял глаза и осмотрел территорию форта. Среди растерзанных палаток валялись отдельные трупы и группы убитых, свидетельствуя о хаосе, наступившем, когда противник прорвался в крепость через недостроенные укрепления.

– Прикажете воинам спешиться и заняться погребением? – обратился к Квинтату трибун.

Глядя на офицера, легат не сразу понял смысл вопроса, и потребовалось несколько минут, чтобы его слова дошли до занятого горькими мыслями сознания.

– Оставьте все, как есть, пока не подойдет весь легион, – покачал головой Квинтат.

Трибун не мог скрыть удивления.

– Таков ваш приказ? Боюсь, это зрелище приведет к упадку морального духа легионеров, а он и без того не на высоте.

– Мне прекрасно известен настрой воинов, и нужды в советчиках нет, – не сдержал раздражения Квинтат и тут же пожалел о сорвавшейся с языка грубости. Трибун только недавно приехал из Рима. Облаченный в новенькие сияющие доспехи, он рвался поскорее применить на практике военные знания, полученные от других. Сам Квинтат не многим отличался от молодого трибуна, когда поступил на службу в свой первый легион. Откашлявшись, он заставил себя перейти на более мирный тон.

– Пусть наши люди посмотрят на убитых. Многие солдаты совсем недавно вступили в Четырнадцатый легион. Их привезли на замену павшим кораблю из Галлии, первыми риск-

нувшие выйти в море после зимних штормов. Хочу, чтобы поняли, какая их ждет участь, если позволят противнику взять верх.

– Как прикажете, – после недолгой заминки кивнул трибун.

Слегка прищпорив коня, Квинтат двинулся к центру форта. Смерть и разрушения царили по обе стороны широкой, скользкой от грязи дороги, проходившей среди развалин, которую пересекала под прямым углом вторая дорога. Взгляд легата остановился на рваных клочьях, оставшихся от палатки командиров легиона, и сваленных в груды трупов. По спине Квинтата пробежал холодок. В одном из убитых он узнал Салвия, старшего центуриона когорты. Седовласый ветеран лежал на спине, устремив потухший взор в затянутое облаками небо. Нижняя челюсть отвисла, обнажая неровные желтые зубы. Салвий слыл отличным офицером и отличался исключительным мужеством и способностью быстро принимать решения в самых сложных ситуациях. Он имел множество наград и, вне всякого сомнения, полностью соответствовал высоким требованиям, которые предъявлял центурионат. В груди и животе старого воина зияло несколько страшных ран, и легат был готов поклясться, что на спине, если перевернуть труп, не обнаружится ни одной. Возможно, варвары не обезглавили Салвия, отдавая дань его воинской доблести.

Тела трибуна Марцелла, командира строительного отряда, видно не было. Квинтат, опершись о луку седла, перебросил ногу через спину лошади и спешил, ступив на хлюпающую от жидкой грязи землю. Подойдя ближе, он стал всматриваться в распростертые тела, надеясь отыскать молодого аристократа, первый военный опыт которого закончился так быстро и трагично. Осматривать обезглавленные трупы не имело смысла, и легат отказался от этого занятия. Перевернув на спину несколько убитых, он убедился, что Марцелла среди них нет. У двоих павших в бою воинов лица были изуродованы до неузнаваемости, и опознать их не представлялось возможным. Квинтат понял, что с поисками Марцелла придется повременить.

Вдруг легат застыл на месте, словно громом пораженный страшной догадкой. Окинув взглядом остатки лагеря, он попытался прикинуть, сколько убитых римских солдат осталось валяться в грязной жиже. Тел противника видно не было. Оно и понятно. Местные племена всегда уносили с поля боя своих убитых и хоронили в тайниках, чтобы римляне не могли подсчитать их потери.

– В чем дело, господин? – встревожился трибун при виде помрачневшего лица командира.

– Убитых с нашей стороны слишком мало. По моим подсчетам, не хватает по крайней мере четверти.

Осмотревшись по сторонам, трибун согласно кивнул.

– В таком случае куда они подевались?

– Остается предположить, что их захватили в плен, – угрюмо буркнул легат. – Плен... Да сжалются над несчастными боги! Нельзя было сдаваться на милость врага.

– И что их ждет?

– Если повезет, станут рабами, – пожал плечами Квинтат. – И будут работать, пока не умрут от мучений. Но прежде их проведут по всем племенам как свидетельство того, что Рим можно победить в бою. Их подвергнут всевозможным унижениям и издевательствам.

Некоторое время трибун молчал, потом, судорожно слотнув, поинтересовался:

– А если не повезет?

– Тогда пленников передадут друидам, которые принесут их в жертву своим богам. Живьем сдерут кожу и сожгут на костре. Вот почему лучше не попадаться варварам в руки. – Краешком глаза Квинтат заметил какое-то движение и повернулся к тропе, идущей от главных ворот. Головная центурия легиона перевалила через хребет и начала спускаться по склону, стараясь не сбавлять шаг, несмотря на скользкую дорогу. На мгновение между обла-

ками образовался просвет, и луч солнца упал на передовую часть колонны, озаряя блеском орла легиона и остальные штандарты с изображением императора и различными эмблемами более мелких подразделений. Неужели это добрый знак? Если так, боги выбрали для него весьма сомнительный момент.

– Какие дальнейшие распоряжения, господин? – осведомился трибун.

– А? Что?

– Каков будет ваш приказ?

– Завершим то, что начали. Как только легион доберется до места, надо привести в порядок ров и крепостной вал, а потом заняться строительством крепости. – Квинтат, выпрямившись, застыл на месте, устремив взгляд на покрытые темным лесом склоны долины. – Сегодня дикари одержали крошечную победу, и не в наших силах что-либо изменить. Они устроят в горах пир. Глупцы! Сегодняшняя неудача лишь укрепит решимость Рима подавить последний очаг сопротивления и подчинить эту землю своей воле. И неважно, сколько на это уйдет времени. Можешь не сомневаться, император и Осторий не оставят нас в покое, пока не достигнут намеченной цели. – По губам легата пробежала горькая усмешка. – Так что, мой мальчик, лучше не привыкать к спокойной и комфортной жизни в Глевуме.

Молодой трибун лишь с серьезным видом кивнул в ответ.

– Ну ладно, займемся делами. Нужно поставить палатку, где разместится штаб. Пошли за моим секретарем. Необходимо как можно скорее отправить отчет. – Оглянувшись на тела центуриона Салвия и его погибших товарищей, легат тяжело вздохнул. Сердце разрывалось от горя и давящего предчувствия, что грядущая военная кампания принесет невыносимые страдания и море крови, с которыми римлянам еще не приходилось сталкиваться с момента высадки на проклятый остров.

Придется менять сами способы ведения войны. Римские солдаты должны действовать безжалостно, иначе не сломить моральный дух противника. А в бой их поведут опытные офицеры, четко понимающие поставленную цель, в сердцах которых нет места милосердию. К счастью, такие люди в римской армии имеются. Квинтат тут же вспомнил о центурионе Квертусе, одно имя которого обращало врагов в паническое бегство. Сотни таких офицеров вполне достаточно, чтобы в кратчайшие сроки справиться с любыми трудностями и невзгодами, обрушившимися на римскую армию в Британии. Да, на войне без таких людей не обойтись, но чем они займутся в мирное время? Квинтат отмахнулся от тревожной мысли. В конце концов, его это не касается. Пусть о дальнейшей судьбе прославившегося своей жестокостью центуриона беспокоятся другие.

Глава 2

Река Тамезис, два месяца спустя

– Клянусь всеми богами, это место сильно изменилось! – Центурион Макрон махнул рукой в сторону строений, растянувшихся по северному берегу Тамезиса. Грузовое судно как раз обогнуло очередной поворот в реке, и паруса колыхались на встречном ветру на фоне унылого, покрытого серыми облаками неба.

Появившийся на широкой палубе капитан сложил ладони рупором и что есть силы крикнул:

– Подняться на мачту! Убрать паруса!

Несколько матросов стали карабкаться по канатам вверх, а капитан уже давал следующую команду:

– Весла в ключины! Приготовиться грести!

Матросы, набранные из галлов и батавов, на секунду замешкались, но тут же бросились выполнять приказ, хотя и не скрывали недовольства. Наблюдая за их безмолвным, ради приличия, протестом, Макрон невольно усмехнулся. Точно так же происходит с солдатами, с которыми Макрон имеет дело большую часть своей жизни. Центурион перевел взгляд на сменяющийся пейзаж, тянувшийся по обоим берегам реки. Значительную часть территории очистили от деревьев, и теперь тут и там виднелись крестьянские хозяйства. Были здесь и дома побольше, с черепичными крышами, свидетельствующие о присутствии Рима в завоеванной провинции. Макрон, прервав размышления, глянул на своего попутчика, который стоял неподалеку, опершись локтями о боковые перила, и смотрел на речную рябь.

Деликатно откашлявшись, центурион повторил недавно сказанную фразу:

– Говорю, это место не узнать!

Катон смущенно улыбнулся в ответ:

– Прости, задумался.

– Понимаю, все твои мысли летят в Рим, – кивнул Макрон. – Не переживай, дружище, Юлия порядочная женщина и верная жена. Она сохранит тепло домашнего очага до твоего возвращения.

Спутник центуриона имел более высокое звание, но, несмотря на это, между друзьями сохранились доверительные отношения, установившиеся за восемь лет совместной службы. Когда-то старшим по званию был Макрон, но Катон получил повышение и чин префекта и теперь готовился принять первое в жизни постоянное командование Второй когортой фракийской кавалерии, состоящей из наемников. Прежний командир Второй когорты погиб во время последней военной кампании, и штаб императорской армии в Риме принял решение назначить Катона на его место.

– И когда еще это случится! – с горечью в голосе воскликнул Катон, который был младше своего друга. – Ходят упорные слухи, что триумфальные торжества, устроенные императором по поводу завоевания Британии, оказались преждевременными, и, похоже, нам предстоит сражаться с Каратаком и его последователями до скончания века.

– Что ж, меня такой оборот дела вполне устраивает, – пожал плечами Макрон. – Лучше честно нести солдатскую службу вместе с легионами, чем приспосабливаться к дворцовым интригам и бесконечным заговорам в Риме. А ведь только этим мы и занимались в последнее время.

– А я-то думал, ты ненавидишь Британию. В свое время проклинал эти сраные болота, холод и паршивую жратву. Не мог дожидаться отъезда.

– Правда? Неужели я так говорил? – С невинным видом изумился Макрон. – Как бы там ни было, а мы снова оказались в этих краях. И намечается большой поход, а значит, представится шанс получить повышение и награды. И что еще важнее, пополнить свой пенсионный фонд. Я, дружище, видишь ли, тоже интересуюсь новостями. Идут разговоры о запасах серебра в горах в западной части острова. Если повезет, мы замечательно устроимся, когда, дав хорошего пинка дикарям, приведем их в чувство.

– Из собственного опыта знаю: благоразумие пинками не пробудишь, – не сдержал улыбки Катон.

– Ничего подобного! Если знаешь, куда и как ударить, кого угодно заставишь плясать под свою дудку.

– Ладно, тебе лучше знать.

У Катона не было желания продолжать спор. Все мысли молодого префекта занимала разлука с Юлией. Они встретились несколько лет назад на восточной границе империи, где отец Юлии, сенатор Семпроний, служил послом императора при правителе Пальмиры. Женитьба на сенаторской дочке давала младшему офицеру, каким в то время был Катон, возможность продвинуться по службе. И в то же время вызывала тревогу. Катону не хотелось терпеть насмешки членов старых аристократических семейств. Однако сенатор Семпроний быстро разглядел недюжинные способности Катона и с готовностью принял его в качестве зятя. День бракосочетания с Юлией стал самым счастливым в жизни Катона, но молодые не успели привыкнуть к семейной жизни, так как вскоре Катон получил от секретаря императора Нарцисса приказ отправляться в Британию. На секретаря усиливалось давление со стороны группировки, к которой примкнул молодой принц Нерон – прямой наследник императора Клавдия. Нарцисс связался со сторонниками Британика, внебрачного сына императора, и теперь их влияние на старого правителя величайшей в мире империи ослабевало с каждым днем. Нарцисс утверждал, что оказывает Катону большую услугу, отсылая подальше от Рима. После смерти императора начнется смертельная схватка за власть, и проигравшим, а также их сторонникам рассчитывать на милость победителя не придется. В случае поражения Британик обречен, а вместе с ним погибнет и Нарцисс.

А значит, Макрон и Катон, добросовестно, хотя и против воли, служившие императорскому секретарю, также подвергнутся опасности. И для их же блага лучше в этот момент сражаться где-нибудь на дальней границе империи, подальше от мстительного Нерона и его приверженцев. И неважно, что Катон недавно спас Нерону жизнь. При этом он умудрился перейти дорогу Палласу, императорскому вольноотпущеннику, который был мозгом группировки Нерона. Паллас не простит людей, ставших препятствием на пути к осуществлению его честолюбивых замыслов, и Нерон не бросится на выручку своему спасителю. И вот не прошло и месяца после свадьбы, отпразднованной в доме отца Юлии, а Катона и Макрона уже вызвали во дворец. Катона назначили командующим фракийской когорты, а Макрона – командиром одной из когорт в составе Четырнадцатого легиона. Оба подразделения входили в состав армии под началом губернатора Остория Скапулы в Британии.

Прощаясь с мужем, Юлия прильнула к его груди и горько плакала, спрятав лицо в складках плаща. Обнимая молодую жену, Катон смотрел на темные косы, ниспадавшие ему на руки. Горе Юлии разрывало душу, но приказ есть приказ, и чувство долга, объединяющее всех римлян и являющееся залогом победы над любыми врагами, взяло верх.

– И когда же ты вернешься домой? – Голос Юлии звучал глухо из-за шерстяной ткани плаща. Она подняла на мужа покрасневшие от слез глаза, и сердце Катона вновь пронзила острая боль предстоящей разлуки. Однако он не дал воли чувствам и заставил себя улыбнуться.

– Любовь моя, война скоро закончится. Каратак долго не продержится, и его войску придется сдать.

– А потом?

– Буду ждать вести о восхождении на трон нового императора, и когда опасность минует, вернусь в Рим и подам прошение о гражданской должности.

Юлия на мгновение задумалась.

– На это, возможно, уйдут годы.

– Верно.

Некоторое время оба супруга молчали; наконец, Юлия решила высказать не дающую покоя мысль:

– Я могла бы приехать к тебе в Британию.

– Может быть, так и случится. Но сейчас не время. Весь этот остров – болото, кишашее дикарями, и я не смогу обеспечить комфорт, к которому ты привыкла. Кроме того, в Британии на каждом шагу подстерегают опасности, да и воздух там тлетворный.

– Какое это имеет значение? Ты же знаешь, Катон, мне случалось жить и в худших условиях. После всех испытаний, что выпали на нашу долю, мы заслужили право быть вместе.

– Ты права.

– Тогда обещай прислать за мной при первой возможности. – Юлия крепче обняла мужа, пристально глядя ему в глаза. – Обещаешь?

– Обещаю. – Катон чувствовал, как тает его решимость оградить супругу от тягот, подстерегающих в новой провинции.

Разомкнув объятия, Юлия отступила на шаг и с грустной улыбкой попросила:

– Катон, любимый, не испытывай мое терпение, не заставляй ждать слишком долго.

– Ни на день дольше, чем потребуют обстоятельства. Клянусь.

– Вот и хорошо. – Привстав на цыпочки, она поцеловала Катона в губы и, сжав на прощание руки, отступила назад – А теперь иди. Пора.

Катон в последний раз посмотрел на жену и, низко склонив голову, побрел прочь от сенаторского дома по улице, что ведет к городским воротам. Там он намеревался нанять лодку и, спустившись вниз по Тибру, встретиться с Макроном в порту Остия. Дойдя до конца

улицы, он не выдержал, оглянулся и увидел застывшую в дверях фигурку Юлии. На сердце стало еще тяжелее.

Боль разлуки не утихла во время долгого морского путешествия до Массиллии и дальше по суше до Гесориацума, где друзья сели на грузовое судно, направляющееся к конечной цели пути, в Британию. Катон испытывал странное чувство, возвращаясь по прошествии нескольких лет на остров. Сегодня судно прошло мимо того самого места на берегу реки, где Катон с товарищами из Второго легиона пробивались с боями через орду варваров, подстрекаемых воплями друидов, которые осыпали проклятиями захватчиков и насылали на них чары. От воспоминаний по спине пробежали мурашки. Страшно подумать, что ждет их с другом впереди. Уйдут долгие годы, прежде чем можно будет привезти сюда жену.

– Уж не Лондиний ли там впереди?

Катон быстро обернулся на голос и увидел перед собой изящную пожилую женщину с суровым лицом. Она выбралась из люка, что вел в тесный пассажирский отсек, и теперь неуверенной походкой продвигалась по палубе. Голову женщины прикрывал платок, и легкий ветерок играл выбившимися из-под него седыми прядями. Катон и Макрон встретили женщину улыбками, и она заняла место рядом у борта корабля.

– Ты выглядишь куда лучше, мама.

– Ничего удивительного! – сердито заметила женщина. – Проклятую посудину больше не болтает на волнах. Я уж решила, что она не переживет бурю и отправится ко дну. Сказать по чести, это было бы куда милосерднее по отношению ко мне. В жизни не чувствовала себя так паршиво.

– Да какая еще буря? Так, пустяки! – презрительно усмехнулся Макрон.

– Неужели? А ты что скажешь? – она кивнула в сторону Катона. – Тебя ведь выворачивало наизнанку не хуже моего.

Катон болезненно поморщился. Корабельная качка прошлой ночью довела его до удручающего состояния. Свернувшись клубком, он извергал рвотные массы в деревянный таз, что стоял рядом с койкой. Даже в лучшие времена путешествия по Средиземному морю не вызывали у Катона восторга. А бешеный ветер с галльского берега стал настоящей пыткой.

– Подумаешь, легкий ветерок! – фыркнул Макрон. – К тому же свежий соленый воздух наполняет здоровьем легкие.

– И опустошает желудок, – мрачно заметила мать Макрона. – Лучше умереть, чем снова пуститься в подобное путешествие. Ох, даже вспоминать не хочется! Так что там виднеется вдали? Лондиний?

Друзья, проследив взглядом за ее рукой, различили ряд построек на северном берегу реки Тамезис. Причал соорудили из груды огромных бревен, которые привезли в русло реки. На них установили поперечные балки и, заполнив пространство камнями и землей, сделали мостовую. Несколько грузовых кораблей уже стояли на якоре у пристани, а остальные ждали в отдалении своей очереди на разгрузку товара. Скованные цепью каторжники переносили груз из трюмов кораблей в длинные низкие складские помещения. А за ними виднелись другие здания, многие еще недостроенные, так как новый город продолжал разрастаться. В сотне шагов от берега реки Катон с приятелем рассмотрели второй этаж огромного комплекса, возвышающегося над остальными постройками. Катон догадался, что это: базилика, место, где находится рынок, судебные помещения, лавки, конторы и органы административного управления. Как в каждом городе, который основал Рим.

– Да, это действительно Лондиний, – подтвердил капитан, присоединившийся к группе пассажиров. – Растет быстрее, чем гнойник на заднице у мула. И такой же мерзкий и зловонный.

– Что вы говорите? – нахмурилась мать Макрона.

– Ей-богу не вру, госпожа Порция. Настоящая крысиная нора. Грязные узенькие улочки, дешевые питейные заведения, где собирается всякий сброд, и отвратительные лавочки. Пройдет немало времени, прежде чем здесь наведут порядок и превратят это местечко в приличный в понимании нормальных людей город.

– Прекрасно, – улыбнулась Порция. – Именно это я и хотела услышать.

Капитан нахмурился, а Макрон рассмеялся словам матери.

– Мать хочет заняться здесь делом, – пояснил он.

– И какого рода делом? – Капитан с нескрываемым любопытством изучал пожилую женщину.

– Собираюсь открыть таверну, – сообщила Порция. – После долгого морского путешествия люди нуждаются в выпивке и прочих удовольствиях. Насколько я понимаю, через ворота Лондиния проходит множество купцов, моряков и солдат, и все они не прочь воспользоваться услугами, которые я предложу.

– Да, жизнь здесь бьет ключом, – согласился капитан. – Только она очень суровая. В новой провинции, как эта, выжить еще трудней. Купцы, что сколачивают себе здесь состояние, люди отчаянные и грубые, и они не станут церемониться с женщиной, которая пытается составить им конкуренцию.

– Мне приходилось иметь дело с разными головорезами, когда я держала таверну в Равенне. Так что здешние любители скандалов вряд ли доставят много хлопот, особенно когда узнают, что мой сын старший центурион Четырнадцатого легиона. – Она с нежностью взяла сына за руку.

– Верно, – подтвердил Макрон. – Всякому, кто посмеет обидеть мать, придется иметь дело со мной, а до сих пор это еще никому не сходило с рук.

Глядя на крепкую мускулистую фигуру римского офицера, на покрытое шрамами лицо и руки, капитан не сомневался в серьезности его слов и намерений.

– И все же зачем вам понадобилось забираться в эту дыру, госпожа? Куда выгоднее и безопаснее открыть таверну в Гесорациуме. Торговля там идет бойко.

– Именно здесь можно заработать большие деньги, если быстро сообразить, куда дует ветер, – поджала губы Порция. – К тому же, кроме сына, у меня нет никого на всем белом свете, и я хочу всегда быть рядом, насколько это возможно. Как знать, может, после отставки он станет работать вместе со мной.

В глазах Макрона сверкнул озорной огонек.

– Ценная мысль! Вино и женщины под одной крышей! Чего еще желать мужчине?

Порция шлепнула сына по руке.

– Все вы, военные, одинаковы! Одно на уме! Но как бы там ни было, я наживу состояние в Лондинии и останусь здесь до конца своих дней. Поступай, как знаешь, Макрон, а я остаюсь в Лондинии – тут мой последний приют.

Корабль быстро приближался к пристани, и вскоре стоящим на палубе людям ударил в нос едкий запах торфяников, смешанный с вонью сточных канав и древесным дымом, от которого запершило в горле.

– Вот тут и вспомнишь свежий морской воздух, – морща нос, пробормотал Катон.

Места встать на якорь не нашлось, и капитан отдал приказ продвинуться в конец вереницы кораблей выше по реке.

– Придется ждать своей очереди, – извиняющимся тоном обратился он к пассажирам. – Если желаете, можете остаться на борту, или прикажу своим парням доставить вас на берег на ялике.

Катон отошел от перил и принял решительный вид, как и подобает военному командиру. Этой манере он научился в свое время у Макрона.

– Едем на берег. Нам с центурионом нужно как можно скорее предстать перед местным начальством.

– Слушаюсь, господин. – Капитан потер лоб, мгновенно сообразив, что вольностям, уместным во время путешествия, наступил конец. – Немедленно распоряжусь.

Он сдержал слово, и как только судно встало на якорь, походные вещи офицеров и сундуки, принадлежащие Порции, были вынесены из трюма на палубу. На воду спустили маленький тупоносый ялик, и двое крепких гребцов помогли пассажирам в него сесть. Места хватило только на троих, а вещи было решено доставить на берег позже. Катон спустился в ялик последним и, ступив на шаткое суденышко, отчаянно замахал руками, стараясь сохранить равновесие, а затем тяжело шлепнулся на скамью. Макрон смерил друга усталым взглядом и досадливо прищелкнул языком. Гребцы налегли на весла, и ялик двинулся в сторону пристани. По мере приближения к Лондинию пассажиры разглядели на поверхности реки жирные полосы от нечистот, вытекающих из сточных труб вдоль пристани. В застойных водах у пристани плавали обломки бревен и прочий мусор, среди которого в поисках съестного сновали крысы. В конце пристани из воды выступали деревянные ступени, и гребцы направили ялик в их сторону. Когда ялик подошел ближе, один из гребцов протянул весло, чтобы зацепиться за скользкий канат, выполнявший функцию отбойного бруса. Так и держался, пока его товарищ накидывал петлю на причальную тумбу.

– Ну вот и приехали, госпожа! – улыбнулся матрос и принялся помогать пассажирам.

Первым на берег вышел Катон, а все остальные взобрались за ним по ступенькам на пристань и оказались на многолюдной улице, пролегающей между кораблями и складскими помещениями. Холодный весенний день наполнял гул голосов, сквозь который слышались рев мулов, свист хлыстов и окрики надсмотрщиков, подгонявших скованных цепью каторжников. Зрелище выглядело весьма хаотично, но Катон видел в каждой мелочи свидетельство огромных преобразований, пришедших на остров, в течение почти ста лет сопротивляющийся власти Рима. Хорошо ли, плохо ли, в Британии настало время перемен, и когда будет подавлен последний очаг сопротивления, новая провинция приобретет желаемый вид и станет частью империи.

Макрон присоединился к товарищу и, оглядевшись вокруг, пробормотал:

– Добро пожаловать в Британию... На задворки цивилизации, в самую жопу мира.

Глава 3

Вскоре вернулась лодка с вещами путешественников. Макрон подошел к небольшой группе людей, собравшихся возле ближайшего склада.

– Мне понадобятся носильщики, – объявил он громким командным голосом.

Мужчины тут же бросились к центуриону, и он выбрал нескольких покрепче. Один из них носил кожаный ободок вокруг головы, чтобы буйные светлые кудри не падали на лицо. Под кожаным ободком на лбу отчетливо виднелось клеймо, в котором Макрон сразу же узнал знак бога Митры. Эта религия пришла с востока, и число ее последователей в рядах римской армии стремительно росло.

– Ты ведь бывший солдат, верно?

– Так и есть, – кивнул мужчина. – Служил в армии, пока силурское копье не покалечило ногу и я безнадежно не охромел. Теперь мне не под силу угнаться за товарищами, и начальству пришлось отправить старого солдата на покой.

Макрон пригляделся к собеседнику. Поверх туники накинута изрядно поношенная солдатская плащ, а подошвы сапог привязаны к верхней части клочками ткани.

– Что ж, попробую угадать твою дальнейшую судьбу. Профукал выходное пособие и в результате вынужден влачить жалкое существование, так?

– Верно, господин, – подтвердил бывший солдат.

– Назови свое имя и подразделение, в котором служил.

– Легионер Марк Метеллий Децимус, Второй легион, – вытянувшись по стойке смирно, отрапортовал он и тут же с исказившимся от боли лицом схватился за бедро.

– Второй, говоришь? – Макрон в задумчивости погладил подбородок. – Мои бывшие сослуживцы. Вернее, наши. – Он показал большим пальцем в сторону Катона. – Служили вместе под началом легата Веспасиана.

– Это было до моего вступления в ряды легиона, – с сожалением в голосе признался Децимус.

– Ладно, Децимус, бери под свою команду этих людей и принимайся за работу. Наши вещи вон там, на пристани. Видишь моего друга и женщину, что стоит рядом?

Децимус глянул в указанном направлении и криво усмехнулся.

– Старовата для вашего приятеля. Разве что у нее куча денег... Тогда возраст значения не имеет.

– Женщина, о которой идет речь, – моя мать, – скрипнул зубами Макрон. – А теперь пошевеливайся!

Децимус стал поспешно давать указания товарищам. Пока они переносили сундуки и мешки, Катон попытался собраться с мыслями.

– Где находится местный гарнизон?

– Здесь нет гарнизона, господин, и крепости тоже. И даже укреплений не построили. Несколько лет назад тут был форт, но город разросся так стремительно и буквально поглотил его. Вон там, на месте прежнего форта, строится новая базилика.

– Вижу, – с нескрываемым разочарованием вздохнул Катон. – Тогда где можно найти кого-либо из представителей губернатора?

Децимус на мгновение задумался.

– Попробуйте заехать в апартаменты губернатора, что расположены в стороне от строительной площадки. Скорее всего, там вы его и найдете.

– Как, Осторий здесь, в Лондинии? – изумился Катон.

– Да, господин.

– Но ведь столица провинции Камулудун!

– Верно, официальная столица там. По крайней мере, именно оттуда родом Каратак, а император Клавдий пообещал воздвигнуть в городе храм в свою честь. Но Камулудун находится слишком далеко на востоке. Что бы там ни думали в Риме, а люди выбрали главным городом Лондиний. Даже сам губернатор не исключение. Вот поэтому вам и следует искать его, где я сказал.

– Хорошо, в таком случае веди нас к губернатору, – потребовал Катон.

Децимус поклонился и, взвалив на плечо вещевой мешок, крикнул под его тяжестью, так как там находились доспехи.

– Следуйте за мной, господин. – Бывший легионер, прихрамывая, свернул в боковую улочку.

Капитан грузового судна не обманул пассажиров. Лондиний в полной мере соответствовал описанию моряка и оказался на редкость омерзительным местом. Узкие многолюдные улицы, где, в отличие от Рима, не было введено ограничений для телег в дневное время. Катону со спутниками пришлось грудью прокладывать путь по запруженному людьми, лошадьми и повозками пространству. Децимус с приятелями отлично знали город и не сбавляли шаг, и Катон не на шутку опасался потерять их из вида. Он махнул рукой Макрону, который старался оградить от толкотни мать. По одежде и внешнему виду прохожих можно было без труда догадаться, что они съехались в Лондиний со всех уголков империи в надежде на легкую наживу в новой провинции. Да, Порции предстояло столкнуться с жестокой конкуренцией, и оставалось лишь надеяться, что звание сына защитит ее интересы от воров, проходивцев всех мастей и разбойников с большой дороги, наводнивших Лондиний в поисках добычи.

– Как ты, мама? Держишься? – забеспокоился Макрон.

Порция смерила презрительным взглядом группу представителей местных племен, проходивших по улице. Они были одеты в шкуры, а по обнаженным рукам извивались причудливые татуировки.

– Дикари!

Катон мысленно улыбнулся, потом нахмурился. Риму предстоит долгий тяжелый путь, прежде чем островитяне станут жить по законам империи. Каратак и его последователи, вероятно, находятся где-то к западу от Лондиния, но боевой дух его соплеменников, что живут в городе и окрестностях, отнюдь не сломлен. Они, несомненно, воспользуются любой неудачей римских легионов и поднимут открытый бунт. А поскольку основные силы армии губернатора сосредоточены на границе, ничто не удержит бунтовщиков, которые вихрем пройдутся по тем областям провинции, что римские власти уже обозначили на картах как усмиренные.

– Куда подевался чертов Децимус со своими бродягами? – грозно прорычал Макрон, вытягивая шею и еще больше сердясь, что из-за не слишком высокого роста не может рассмотреть всю улицу.

– Впереди, в двадцати шагах от нас, – успокоил друга Катон.

– Не спускай с мошенников глаз! Не хватает только остаться без вещей, едва ступив на проклятую землю! Я не намерен предстать перед легионами как какой-нибудь зеленый рекрут, маменькин сынок!

– Уж кем-кем, а маменькиным сынком тебя точно не назовешь, – фыркнула Порция.

Путешественники прибавили шаг, надеясь догнать носильщиков, однако на перекрестке уперлись в ряды повозок, нагруженных амфорами. Пробиться сквозь них надежды не было, а Децимуса и компании и след простыл. У Катона екнуло сердце. Неужели негодяй обвел их вокруг пальца и смылся с багажом?

– Эй, префект, сюда! – послышался голос слева, и у Катона с души свалился камень. Бывший легионер насмешливо покачал головой. – Подумать только, офицеры не могут угнаться за хрым калекой! И куда только катится мир!

Катон хотел поставить нахала на место и как следует отчитать за неуважение к высокому званию, но не успел. Децимус поднял руку и указал на высокие ворота на другой стороне улицы, в которую они свернули. За стеной виднелись леса и высокий бревенчатый каркас подъемного крана, возвышающийся на фоне задымленного неба.

– Сюда, префект. Вот здесь находится базилика. Ну, или то, что должно ею стать.

Не дожидаясь ответа, Децимус двинулся дальше, и поскольку движение уже не было таким оживленным, приезжие вскоре поравнялись с носильщиками. Телеги, нагруженные вином, проехали мимо, а вся компания подошла к воротам, у которых стояли двое часовых. Арка ворот была оштукатурена и побелена, но кирпичную облицовку на стене вокруг строительной площадки еще не закончили.

– По какому делу? – задал вопрос часовой, бегло оглядывая двух мужчин и пожилую женщину, чтобы определить их общественное положение.

Офицеры были одеты в аккуратные новые туники и военные плащи, купленные в Риме перед самым отъездом. Несмотря на отсутствие знаков отличия, указывающих на звание, и богатых перстней, уверенное поведение и шрамы говорили сами за себя. Особенно длинный косой шрам на лице Катона, проходивший ото лба до подбородка. Откашлявшись, часовой уже более любезным тоном спросил:

– Чем могу служить, господин?

– Я префект Квинт Лициний Катон, а это центурион Луций Корнелий Макрон. – Катон кивнул в сторону друга. – Мы только что прибыли из Рима, чтобы принять командование вверенными нам подразделениями. А сейчас хотим представиться в штабе губернатора и подыскать себе жилье.

– Ну, здесь, господин, вы его не найдете. Форт снесли еще два месяца назад.

– Это мне известно. Однако надеюсь, Осторий со своим штабом не работают под открытым небом.

– Это уж точно! – Часовой указал копьём на строительные леса вокруг большого одноэтажного комплекса. – Вон там строится дворец для губернатора. Он приказал строителям закончить первый этаж и убираться восвояси, однако ребята успели провести отопление, так что внутри живется тепло и уютно. Не то что нам, призванным охранять губернатора. Спим на улице в палатках.

– Такова солдатская служба, приятель! – прищелкнул языком Макрон. – Если она для тебя слишком тяжела, примкни к труппе актеришек или поищи счастья в другом месте.

– Ладно, идем! – Махнув рукой, Катон направился по расчищенной на строительной площадке дорожке, по обе стороны которой лежали бесконечные груды бревен, сложенные стопками кирпичи и стояли чаны для замешивания раствора.

Уже заложили фундамент для нескольких построек и возвели стены в половину человеческого роста в том месте, где вскоре должно было вырасти самое большое в провинции городское здание. Оно будет возвышаться над всей территорией, наполняя сердца местных жителей благоговейным трепетом. На строительной площадке трудилось множество народу, включая скованных цепью каторжников, которых использовали на подсобных работах. Сквозь гул голосов, визг пил и грохот камней слышались окрики надсмотрщиков.

Проходя мимо, Макрон одобрительно крякнул:

– Когда достроят, грандиозное будет сооружение.

На дальнем краю строительной площадки между лесами оставили зазор, чтобы освободить проход к находившемуся выше дому, где расположился со своими приближенными губернатор Осторий. Вход охраняли двое часовых, и Катону снова пришлось объяснять цель своего визита, после чего пришло время расплатиться с носильщиками. Он протянул руку к поясу, где висел кошелек, и стал развязывать шнурки.

– С вас один сестерций, господин. – Децимус приложил руку ко лбу, шутливо отдавая честь. – На каждого.

Брови Макрона поползли вверх.

– А не многовато просишь?

– Таковы расценки в Лондинии, благородный господин.

– Он говорит правду? – обратился Катон к часовому.

Легионер кивнул в ответ.

– Что ж, ладно. – Достав из кошелька несколько монет, он пересчитал деньги и отдал носильщикам. – Жизнь в Лондинии, похоже, обходится недешево. Можете идти... А ты, Децимус, задержись на пару слов.

Бывший легионер махнул рукой товарищам и вернулся к Катону.

– Что угодно, господин?

Катон устремил на носильщика испытывающий взгляд, стараясь рассмотреть за грязной ветхой одеждой и спутанными волосами признаки, характерные для людей, служивших в прошлом в армии. Если Децимус не солгал, его военная карьера оборвалась внезапно по вине случая. Что ж, в сражениях такое встречается на каждом шагу. Долгие годы удача не покидала Катона и Макрона во время самых тяжелых походов и жестоких боев, и до сих пор друзья отделялись легкими ранами и шрамами. Однако порой Катону казалось, что он испытывает судьбу, бросая ей открытый вызов. Рано или поздно его настигнет вражеское копьё или меч, или пущенная из лука стрела, и тогда придется разделить участь Децимуса и других покалеченных воинов, которых в римской армии великое множество.

– Сколько лет ты прослужил в Британии?

Децимус в задумчивости почесал подбородок.

– Приехал я сюда пять лет назад из учебного лагеря в Гесориацуме. Служил во Втором легионе, сражался с деканглами, а затем меня вместе с отрядом отправили на усиление

Четырнадцатого легиона в Глеуме. Еще два года воевал с силурами, пока не получил вот этот подарок. – Он похлопал по искалеченной ноге.

– Понятно. – Катон на мгновение задумался. – Ну и как тебе нравится жизнь портовой крысы?

– Хуже некуда, мать ее так! – носильщик торопливо оглянулся на Порцию. – Прошу прощения, госпожа.

– Лучшие пятнадцать лет своей жизни я прожила с моряком, так что оставь свои долбаные извинения при себе, – с невозмутимым видом откликнулась Порция.

Макрон с отвисшей челюстью уставился на мать – услышанная новость лишила центуриона дара речи. Однако он быстро пришел в себя, благоразумно решив сделать вид, что ничего особенного не услышал.

– А что еще остается солдату-инвалиду? – Децимус устремил на Катона вопросительный взгляд. – Мне еще повезло, получил часть выходного пособия. Его хватает на жалкое существование в здешних трущобах, но на приличную жизнь явно недостаточно.

– Согласен, – кивнул Катон. – Что ж, могу предложить непыльную работу. Правда, есть определенный риск. Если мое предложение тебя заинтересовало, приходи сюда на рассвете, поговорим.

Слова Катона удивили бывшего легионера, однако он ничего не ответил и с поклоном похромал назад к пристани.

Макрон проводил Децимуса взглядом, а когда тот скрылся из вида, обратился к другу:

– Объясни, что все это значит?

– Со времени нашего прошлого пребывания в Британии положение сильно изменилось. Разумеется, мы получим соответствующие инструкции от губернатора, но его оценка сложившейся ситуации не отразит истинного положения дел. Как всегда, последуют самоуверенные заявления и явная недооценка угрозы со стороны противника. Осторий ничем не отличается от остальных губернаторов и хочет убедить весь мир, что он успешно управляет провинцией, и эта точка зрения непременно должна найти отражение в письмах и докладах, которые мы будем посылать в Рим. Так что иногда полезно выслушать мнение простолюдинов. Кроме того, мне в лагере потребуется слуга, чтобы присматривать за вещами, и это должен быть человек, которому можно доверять.

– О каком доверии ты говоришь? – презрительно фыркнула Порция. – Как можно доверять этому бродяге? По-моему, обычный мошенник!

– Не надо делать поспешных выводов, – шутливо погрозил пальцем Катон. – Внешность обманчива, а иначе все приличные люди шарахались бы от твоего сынка.

– Они и шарахаются, – грозно рыкнул Макрон. – Если не хотят нарваться на неприятности.

– Вот негодник! – Мать шутливо шлепнула Макрона по плечу. – Да ты всего лишь котенок в тигриной шкуре, и не думай меня провести! Катон тоже видит тебя насквозь.

Лицо Макрона залила краска смущения. Он люто ненавидел разговоры, касающиеся проявления чувств, и сама мысль о том, что и его натуре не чужда некоторая сентиментальность, наполняла душу омерзением. Подобное слюнтяйство – удел поэтов, художников, артистов и иных простых смертных. Совсем иное дело воин. Настоящий солдат обязан управлять умом и чувствами и направить их на выполнение поставленной задачи. Долг выше всего. А вот в свободное от службы время можно повеселиться на славу и пуститься во все тяжкие. Правда, не все военные одинаковы. Макрон бросил украдкой взгляд на друга. Худощавый, жилистый, на вид зеленый юнец. Впрочем, в последнее время Катон изменился. Во взгляде появилась суровость, а юношеская угловатость исчезла. Теперь каждое его движение точно рассчитано, ни одного лишнего жеста, что является отличительной чертой опытного ветерана. Но Макрон слишком хорошо знал характер друга, его беспокойный

пытливый ум и страсть к трудам философов и историков, которые Катон тщательно изучал, будучи мальчиком. Да, Катон – воин совсем иного склада, и Макрон скрепя сердце признавал, что друг выгодно отличается от остальных.

– Ну, раз ты так решил, – с нескрываемым раздражением буркнул Макрон, – почему не купить раба? Можно позволить себе такую роскошь. В Лондинии полно пленных, что продаются по сходной цене.

– Не хочу слугу из местных племен. Еще не хватало, чтобы обозленный дикарь чистил мой меч и прикрывал мне спину день и ночь, пока я буду иметь дело с врагами. Нет, мне нужен тот, кто пойдет со мной по доброй воле. Да и кто подойдет на роль слуги лучше, чем бывший легионер? Децимус обладает всеми необходимыми достоинствами, и лучшего выбора не найти.

– Что ж, справедливо, – после недолгого раздумья согласился Макрон. – А теперь подыщем местечко, где можно оставить вещи. Мы отлучимся ненадолго. Ну как, справишься? – обратился он к матери.

– Уже пятьдесят лет, как неплохо со всем справляюсь. Давайте, идите по своим делам, мальчики.

Часовой указал на административное здание, которое занимал губернатор, и друзья, пройдя через двор, направились ко входу. Толстые стены приглушали шум стройки, но на плитах виднелся слой пыли и глубоко въевшаяся грязь, а по краям двора лежали груды строительных материалов. Многочисленные чиновники с грифельными досками и свитками сновали из кабинета в кабинет, а внутри штаб-квартиры, обогреваемой жаровнями, за длинными письменными столами работали люди. Катон подошел к младшему трибуну, погруженному в чтение документов, и постучал костяшками пальцев по столу. Трибун поднял голову:

– Чем могу служить?

Катон кратко изложил суть дела.

– Мы только что сошли на берег, я должен представиться губернатору и подыскать жилье до отправки по месту службы. Кроме того, нам понадобится комната для дамы.

– Жилье? Здесь с этим туго. Пришлось переделывать конюшню, чтобы разместить людей. Там есть несколько свободных мест. В помещении сухо и имеются приличные койки.

– А можно остановиться где-нибудь в городе?

– Что ж, попытайте счастья. Но это влетит в кругленькую сумму, да и грязь невероятная. Большинство комнат сдается за почасовую оплату. Ну, понимаете, что я имею в виду.

– Нас устроит конюшня, – решил Катон. – Багаж мы оставили у входа. Найдется кто-нибудь, чтобы перенести его в конюшню? Пусть проводят даму. А нам с центурионом Макроном надо без промедления представиться губернатору Осторию. Будьте любезны, проводите нас к нему...

Трибун со вздохом отложил в сторону доклад, который изучал, и встал из-за стола.

– Сюда, господин. Я позабочусь о ваших вещах.

Он провел друзей через зал в коридор, вдоль которого располагались маленькие кабинеты. В некоторых работали писари, а другие занимали офицеры и гражданские служащие из штата губернатора.

Дверь в конце коридора была приоткрыта, и трибун жестом попросил Катона и его спутника подождать, а сам постучал по деревянной раме.

– Господин, два офицера, только что прибывшие из Рима, желают вас видеть.

После короткой паузы усталый высокий голос сказал:

– Хорошо, пусть войдут.

Глава 4

Губернатор Осторий сидел за письменным столом, закутавшись в теплый алый плащ. В комнате горела жаровня, и было очень душно. Пододвинув стул к огню, он склонился над кипами документов и грифельных досок. Осторий устремил усталый взгляд на вошедших в комнату офицеров, которые, вытянувшись по стойке смирно, отдали честь. Катону бросились в глаза изборожденное морщинами лицо губернатора и глубоко посаженные глаза, от которых тоже разбегались в стороны морщинки. Он знал, что Осторий слышет отличным воином, искусным администратором, а также решительным и требовательным командиром, но такая репутация как-то не вязалась с сидящим перед ним пожилым мужчиной хрупкого телосложения.

– Представьтесь, – потребовал Осторий и, тут же закашлявшись, прижал ко рту кулак, чтобы унять приступ. – Итак, слушаю вас.

Как старший по званию, Катон заговорил первым:

– Префект Квинт Лициний Катон.

– Центурион Луций Корнелий Макрон, – доложил вслед за ним Макрон.

Губернатор некоторое время молча изучал вновь прибывших.

– Передайте свои послужные списки начальнику штаба, я займусь ими позже. Хочется знать, чего стоят мои офицеры. Принимая во внимание задачи, с которыми приходится здесь сталкиваться, держать при себе людей пустых и легкомысленных – непозволительная роскошь. Полагаю, вас направили командовать определенными подразделениями?

– Так точно, господин губернатор, – отрапортовал Катон. – Я должен принять командование Второй когортой фракийской кавалерии.

– Отличные воины. Одна из моих лучших когорт, с тех пор как временно находится под началом центуриона Квертуса. Не дает пощады врагу, нанося поражение за поражением. Надеюсь, и вы последуете его примеру, когда примете командование. – Осторий перевел взгляд на Макрона. – Ну а вы?

– Направлен в Четырнадцатый легион, господин губернатор.

– Понятно, – кивнул Осторий. – Значит, присоединитесь к главной колонне, которой командует легат Квинтат. Отличный офицер, но не выносит людей, не соответствующих установленным им стандартам. Одним словом, мне здесь дорог каждый человек, в особенности опытные офицеры, среди которых большие потери. Думаю, Макрон, в Четырнадцатом легионе для вас найдется вакансия старшего центуриона. Полагаю, вы станете одним из самых опытных воинов в легионе, разумеется, пока живы.

Макрон с трудом сдержал рвущееся наружу раздражение. Губернатор не смеет разговаривать таким тоном, будто перед ним стоит какой-нибудь неудачник, сосланный командовать заставой где-то в глуши!

– Я имею твердое намерение дожить до пенсии и получить причитающееся денежное пособие, и ни один варвар не в силах мне помешать. Это еще никому не удавалось, хотя пытались многие. Впрочем, им пришлось дорого заплатить за наглость.

– Дерзкое заявление, центурион. – По губам губернатора пробежала легкая улыбка. – А теперь скажи, откуда такая уверенность? С чего ты решил, что представляешь угрозу для наших врагов на этом холодном, забытом богами острове, который Рим непременно хочет присоединить к империи?

Макрон медлил с ответом, так как его мысли вернулись в прошлое. Уличные бои в Риме, затем военная кампания в пыли, под палящим солнцем на юге Египта. А до того подавление восстания рабов на Крите и оборона Пальмиры от орды парфянов. А еще раньше бунт иудейских фанатиков и направление в императорский флот для ликвидации гнезда пиратов, грабящих купеческие суда в Адриатическом море. Все это было уже после долгой службы во Втором легионе, охранявшем границу по Рейну, до того как он получил назначение в армию, что вторглась в Британию и сокрушила местных воинов под предводительством Каратака. Любой мог гордиться таким послужным списком, и звание центуриона Макрон получил заслуженно, в отличие от тех, кто делал карьеру благодаря могущественным семейным связям. Однако Макрон не собирался хвастаться боевыми заслугами перед губернатором и ответил коротко:

– В последние годы я откомандировывался в различные подразделения, до того служил во Втором легионе на Рейне, а потом здесь, в Британии.

– Значит, откомандировывался? В наше время этим красивым словом прикрывают шпионаж. Так чем именно ты занимался в так называемых командировках?

– Не имею права разглашать подробности, господин губернатор.

– Тогда, по крайней мере, скажи: на кого ты работал?

Макрон на секунду замаялся и глянул на Катона, но друг с непроницаемым лицом смотрел прямо перед собой. Набрав в легкие воздуха, Макрон выдохнул:

– На императорского секретаря Нарцисса.

– Ты служил этой змее? – недобро прищурился Осторий. – И сюда ты прибыл по его приказу?

Макрон гневно скрипнул зубами, но ответить не успел.

– Если бы это было так, господин губернатор, – вмешался Катон, – мы вряд ли бы стали ставить вас в известность. Даю слово чести, мы больше не имеем дел с Нарциссом и приехали в Британию как простые солдаты, чтобы служить вам, императору и Риму. Вот и все.

– Слово чести! – фыркнул Осторий. – В Риме такой товар сейчас ценится недорого. – Откинувшись на спинку скамьи, он потер затылок. – Однако придется вам поверить. Но предупреждаю, если узнаю, что кто-то из вас приехал не только для воинской службы, выдам местным племенам, и пусть расправятся с вами по своему усмотрению. У друидов имеется множество интересных способов избавиться от пленников.

– Нам это известно, господин губернатор. Видели собственными глазами, – откликнулся Катон, чувствуя, как по телу пробежала дрожь при воспоминании о служителях культа Темной Луны. Эта встреча состоялась в самом начале службы в легионах, когда Катон был младшим опционом в центурии, которой командовал Макрон. В памяти промелькнули принесенные в жертву люди и безумные лица друидов, но Катон тут же отогнал жуткие образы.

– А вы что скажете, префект? – обратился Осторий к Катону. – В каких боевых действиях участвовали? Шрам на лице говорит о многом, но вы слишком молоды для звания, которое получили. Ваш отец сенатор? Или разбогатевший вольноотпущенник, жаждущий славы для своего семейства? Сколько вам лет?

– Мне пошел двадцать шестой год.

– Двадцать шестой? Моложе, чем я думал. И кто же в вашей семье поспособствовал быстрому продвижению в должность префекта?

Подобные высказывания Катон слышал много раз и давно с ними смирился, понимая, что от клейма низкого происхождения не избавиться до конца дней. И неважно, что он отличный воин и зять сенатора, всегда найдутся люди, которые напомним, что он является потомком вольноотпущенника, бывшего раба в императорском дворце.

– У меня нет родных, господин губернатор. Только жена Юлия Семпрония, с которой мы вступили в брак уже после получения должности префекта. Она дочь сенатора Семпрония, но я ни разу не обращался к нему за протекцией.

– Говорите, Семпроний? – переспросил губернатор. – Мы знакомы. Семпроний служил трибуном в моем Восьмом легионе. Достойный человек, очень трудолюбивый и, что самое важное, заслуживает доверия. Такой никогда не подведет. Если он благословил ваш брак с любимой дочерью, стало быть, узрел в вас некие положительные качества. Однако как думаете, хватит ли у вас опыта для успешного выполнения обязанностей префекта?

– С момента поступления на военную службу я имел честь сражаться бок о бок с центурионом Макроном. Мой друг отличается скромностью и не любит распространяться о своем боевом опыте. Скажу лишь, что нам довелось воевать с германскими племенами, с бриттами, пиратами, иудеями, парфянами и нумидийцами. Так что свое ремесло мы знаем.

– Если все сказанное правда, у вас завидный послужной список, префект Катон, – задумчиво заметил Осторий. – Такими людьми я дорожу, особенно сейчас, когда необходимо навести порядок в Британии и обратить этих дикарей хотя бы в некое подобие цивилизованного общества. – Губернатор сделал жест рукой. – Вольно, господа.

Некоторое время Осторий собирался с мыслями, а потом обратился к вновь прибывшим:

– Очень важно ознакомить вас со сложившейся в Британии обстановкой. Не знаю, что вам наговорили в Риме, а только утверждение, будто мы здесь занимаемся обычной зачисткой, предшествующей полному покорению Британии... хм... Как бы это помягче выразиться? Одним словом, подобные заявления несколько преждевременны. Прошло семь лет с триумфального празднования победы, одержанной императором Клавдием. Да, семь долгих лет... Все это время мы с большим трудом, шаг за шагом, расширяли границы провинции. Но даже побежденным племенам, с которыми заключен договор, доверять ни в коем случае нельзя. С ними как с крысами: нельзя жить спокойно, пока не насадишь на копье. Всего два года назад, когда готовилось наступление на племена силуров и ордовисов, я приказал племенитцам сдать оружие, чтобы обезопасить себя от предательского удара в спину. Вполне разумная просьба, обращенная к людям, которые называются союзниками. Но как только я вывел армию в горы, эти ублюдки подняли восстание, вот и пришлось прервать поход и вернуться, чтобы разобраться с мерзавцами. Придурки засели в одном из земляных укреплений, но быстро сдали позиции. Мы покончили с иценнами быстро, но вместо запланированного

наступления пришлось строить на их землях крепости и дороги, чтобы не выпускать их из поля зрения.

Катон вспомнил гордого обидчивого воина племени иценов, который служил проводником, когда они с Макроном отправились в тыл противника по заданию командующего армией, вторгшейся в Британию. Префект без труда представил, как оскорбил Прасутага приказ сдать оружие. Местными племенами на острове управляла каста воинов, для которых не было большего унижения, чем требование разоружиться. Ничего удивительного, что вспыхнул бунт.

– А пока я возился с иценами, – продолжил рассказ губернатор, – Каратак, воспользовавшись передышкой, переманил на свою сторону обитающие в горах племена и стал их вождем. И когда, наконец, можно было продолжить военную кампанию, оказалось, он собрал целую армию, которая способна оказать серьезное сопротивление. Вот почему пришлось обратиться в Рим с просьбой о подкреплении. И теперь, когда оно прибыло, пора навсегда покончить с Каратаком и его сторонниками.

Макрону слова губернатора пришлись по душе. Центуриона радовала перспектива поучаствовать в грядущих сражениях и наряду с добычей получить повышение по службе. Макрон не любил разглашать свои честолюбивые планы, однако, подобно многим воинам, мечтал получить звание старшего центуриона легиона, обеспечивающее почет и многочисленные привилегии. Оно прокладывало дорогу в благородные слои общества, давало возможность приобщиться к сословию всадников, выше которого только сенаторы и сам император. Похоже, римскую армию ждут в Британии тяжелые бои, а значит, ряды центурионов сильно поредеют. Так случалось при каждой военной кампании, ибо центурионы неизменно оказывались на передовой и гибли десятками. Однако если повезет и удастся уцелеть, в один прекрасный день Макрону могут доверить командование Первой когортой в легионе. А потом не за горами звание префекта лагеря и командование легионом в случае отсутствия или тяжелого ранения и смерти легата. Одна мысль о грядущих перспективах вселяла в сердце Макрона надежду.

Губернатор со вздохом погладил покрытый седой щетиной подбородок и замолчал. Казалось, он с головой погрузился в невеселые думы.

– Я уже слишком стар для подобных приключений, и как только закончится срок службы, уйду на заслуженный отдых. Вернусь в свои владения в Кампанье, займусь виноградниками и буду доживать век с супругой. Я долго и преданно служил Риму и имею право на отдых... Ну а сейчас нас ждут большие дела! – Губернатор с усилием выпрямился и снова обратился к стоящим навытяжку офицерам: – Я готовлю очередное наступление и все же лелею в душе слабую надежду на заключение мира.

– Мира? – Катон решил, что ослышался. – С Каратаком? Вряд ли он согласится на какие-либо условия, предложенные Римом, даже самые выгодные.

– Неужели? А вам это откуда известно?

– Я знаком с этим человеком. Нам доводилось встречаться и беседовать.

В комнате повисло напряженное молчание. Губернатор, наклонившись вперед, сверлил молодого префекта пристальным взглядом.

– Как такое могло случиться? Каратак люто ненавидит Рим и всех воинов, что служат в легионах. Он редко берет пленных, а несчастные, попавшие к нему в руки, исчезают без следа. Итак, как вам удалось удостоиться этой сомнительной чести?

Катона не смутил грозный тон губернатора.

– На второй год после вторжения в Британию я вместе с товарищами был взят в плен Каратаком, и когда нас доставили во вражеский лагерь, он меня допросил.

– С какой целью?

– Хотел больше узнать о Риме и его воинах. Кроме того, он намеревался показать, что гордые местные племена никогда не склонят голову перед захватчиками. Заявил, что они все до одного погибнут в бою, но не сдадутся на милость императора.

– Понятно. И все же, как вам удалось уцелеть?

– Я совершил побег.

– Сбежали из вражеского лагеря?

Катон лишь кивнул в ответ.

– Видимо, боги питают к вам особую благосклонность, префект Катон. Не знаю ни одного римлянина, которому удалось бы совершить нечто подобное.

– Вы не знаете подробностей, господин губернатор, – хмыкнул Макрон. – Фортуна постаралась на славу в стремлении оградить префекта от бед.

Катон бросил многозначительный взгляд на друга.

– Ты и сам тогда не оплошал.

– Я заговорил о мире, господа, – нетерпеливо перебил Осторий. – Ваша встреча с Каратаком состоялась несколько лет назад, и все эти годы велась непримиримая война, измотавшая обе стороны. Смею предположить, что у противника, как и у нас, жажда нарваться на очередной конфликт несколько умерилась. Кроме того, недовольство положением в Британии у некоторых влиятельных лиц в Риме растет день ото дня. Прежде всего речь идет о Палласе, одном из ближайших советников императора. Думаю, вы с ним не знакомы, господа.

– Знакомы, господин губернатор, – деликатно вставил Катон.

– Если верить моим друзьям в Риме, Паллас – восходящая звезда на политическом небосклоне. Он является приближенным императора, его новой супруги и ее сына Нерона, который, возможно, взойдет на трон после смерти Клавдия. Похоже, Паллас настаивает на выводе нашей армии из Британии и предлагает оставить эту провинцию. Она нам дорого обошлась и не оправдала средств, вложенных в нее Римом. Да и в будущем стабильной выгоды от Британии ждать не приходится, стоит иссякнуть потоку военнопленных, которые поставляются на рынок рабов. Надежды на обильные запасы серебра, олова и свинца на острове не подтвердились, и, насколько я понимаю, нас удерживают на этой земле лишь две причины. Во-первых, кое-кто из богатейших граждан Рима дал в долг крупные суммы вождям племен, заключившим с нами союзный договор. В их числе оказался и Нарцисс. Вот почему он настаивает на пребывании римской армии на острове, по крайней мере до тех пор, пока не получит назад свои деньги. А вторая причина – уязвленная гордость. Вывод римской армии из Британии станет унижением для императора, и наше поражение придаст силы врагам из других приграничных провинций. Разумеется, новый император, взойдя на трон, может оправдать эти действия стремлением исправить ошибку, совершенную предшественником. Так что, господа, сами видите, что положение Рима в Британии далеко не такое надежное, как пытаются представить.

Губернатор на некоторое время снова предался своим мыслям.

– Наши товарищи пролили здесь немало крови и многие погибли, и если отдадут приказ оставить Британию, все жертвы окажутся напрасными. И тут я вижу два пути. Либо отомстить за павших воинов и истребить под корень все племена, оказывающие сопротивление, либо заключить с ними долгосрочный мир. В любом случае действовать надо быстро, чтобы навести порядок до восхождения на престол нового императора. Только тогда можно вывести войска без ущерба для репутации Рима. Вот почему я пригласил на встречу всех королей и вождей местных племен, включая проживающих на севере бригантов. Хочу обсудить с ними условия возможного мира. Я гарантировал свободный проход через границу племенам, которые до сих пор не заключили с нами договор.

Макрон после недолгого колебания задал мучивший вопрос.

– И вы намерены сдержать слово?

– Разумеется.

– Даже если явится Каратак собственной персоной? Ведь если мы схватим его и других вождей, доставляющих столько неприятностей, то покончим с сопротивлением в два счета. Быстрее, чем сварится спаржа, брошенная в кипяток.

– Или окончательно восстановим против себя все племена, – устало вздохнул Осторий. – И дадим им повод объединить силы и нанести удар. И произойдет это еще быстрее, чем приготовление упомянутого вами блюда, господин центурион. Предоставьте принимать ответственные решения более мудрым головам, договорились?

Макрон обиженно поджал губы и, стиснув за спиной кулаки, ответил почтительным поклоном на оскорбительное замечание губернатора. В комнате повисло неловкое молчание, однако Катон поспешил его нарушить, переведя разговор в другое русло.

– Позвольте узнать, господин губернатор, где и когда состоится встреча?

– Через десять дней, в священной для местных племен роще, милях в шестидесяти от Лондиния. Возьму с собой несколько телохранителей. – Лицо Остория неожиданно озарила улыбка. – Вам обоим нет нужды торопиться в свои подразделения. Кроме того, мы лишь немного свернем в сторону от дороги, ведущей в Глевум.

– Вы хотите взять нас с собой? – изумился Катон. – Но мы, господин губернатор, воины, а не дипломаты, и нам хотелось бы как можно скорее принять командование по месту службы. И уж коли предстоят тяжелые сражения, необходимо до их начала познакомиться с людьми, которых придется вести в бой.

– Возможно, это не потребуется, если удастся заключить мир с противником. А поскольку вы прежде встречались с Каратаком, можете пригодиться во время переговоров. Короче говоря, вы оба едете со мной.

– Как прикажете, господин губернатор. Только почему вы решили, что местные племена готовы заключить с нами мир?

– Поскольку если они откажутся, я дам ясно понять, что до конца года все селения будут стерты с лица земли, а жители проданы в рабство. – Губернатор устало зевнул. – А теперь мне надо отдохнуть. Больше говорить не о чем, господа. Желая в полной мере насладиться немногими радостями, которые способен предложить Лондиний. Думаю, вам кое-что предложат в офицерской гостиной.

Макрон и Катон вытянулись по стойке смирно и, отдав честь, направились к выходу. Бросив взгляд на грудку документов на полу, Осторий медленно поднялся со скамьи и пошел к узкой походной койке у стены. Не снимая сапог, губернатор улегся на бок и, укрывшись плащом, погрузился в тревожный сон.

* * *

– Ну, какое у тебя сложилось мнение об этом человеке? – спросил Макрон, когда друзья отошли на почтительное расстояние от кабинета Остория.

Прежде чем ответить, Катон огляделся по сторонам, желая убедиться, что поблизости нет чужих ушей.

– Его силы на исходе. Губернатор измотан до предела, однако говорят, он отменный военачальник.

– Никто не в силах бороться с возрастом, – пожал плечами Макрон. – По себе знаю. Уже нет прежней прыти в бою. Всех нас рано или поздно ждет такая судьба.

– Только не вздумай подвести меня во время сражения. Если попадем в передрагу, как-то не хочется иметь рядом в товарищах по оружию старого немощного хрыча, – усмехнулся Катон.

– Вот она, людская неблагодарность! – шутливо возмутился Макрон. – Забыл, как я нянчился с тобой в первом бою? Ты тогда был зеленым новичком. Кто бы мог подумать, что в конце концов из тебя выйдет толк?

– Учился воинскому искусству у самых доблестных, – улыбнулся другу Катон.

– Закрой рот, приятель, а не то я разрыдаюсь, – хмыкнул Макрон. – А теперь поговорим серьезно. Меня терзают сомнения по поводу главнокомандующего. Судя по внешнему виду, пара месяцев походной жизни его доконает. И произойдет это в самый разгар кампании.

– Разве только ему удастся заключить мир с Каратаком или, на худой конец, с большинством племен.

– И каковы, по-твоему, шансы на мир с Каратаком?

Катон сразу вспомнил маленькую хижину, в которой его допрашивал Каратак, и горящие ненавистью глаза бритта, когда тот заявил, что скорее умрет, но не пойдет на поклон к Риму.

– Будь я любителем держать пари, дал бы сто против одного в твою пользу.

– И был бы прав, дружище, – прищелкнул языком Макрон. – Впереди нас ждут тяжелые времена, Катон.

– И мы не в силах что-либо изменить.

– Еще как в силах! – хитро подмигнул Макрон. – А как же прелести Лондиния, что ждут не дождутся нашего появления? – По лицу центуриона вдруг пробежала тревожная тень. – Только не вздумай проговориться о наших планах матушке, понял?

Глава 5

– Ну, мальчики, как вам нравится это местечко? – поинтересовалась Порция, когда вся компания заняла столик в таверне рядом с камином.

Они находились в Лондинии уже третий день, и сегодня вечером Порцию сопровождали сын и Катон. На дворе снова шел косой проливной дождь, барабана по малочисленным черепичным крышам: основная часть домов в Лондинии была крыта соломой. По улицам гулял пронизывающий насквозь ветер. В таверне прежде находилась большая конюшня, но потом ее расширили пристройками и оборудовали у входа небольшой внутренний дворик. Двери заведения выходили на широкую улицу, что тянулась от набережной реки Тамезис до строительной площадки, где возводилась базилика. Несмотря на непогоду, на улице царило оживление, и сквозь шум дождя слышался грохот тележек и рев мулов.

Сбросив капюшон плаща, Макрон быстро огляделся по сторонам. В таверне было тепло и сухо, пол устлан соломой, которая впитывала грязь с сапог и сандалий зашедших с улицы посетителей. На прилавке стояли большие котелки с тушеным рагу и кувшины с подогретым вином, которые подавались посетителям. Большую часть помещения занимали длинные столы, по обе стороны которых находились скамейки. Несмотря на недавний ремонт, в воздухе стоял едкий запах лошадиного пота, но Макрона он не смущал. Центуриону случалось вдыхать и менее приятные ароматы.

– По сравнению с остальными подобными заведениями в городе вполне приличное местечко, – кивнул он.

Катон согласился с другом. В ожидании приказа Остория отправиться на встречу с вождями местных племен приятели коротали время по тавернам, которые рекомендовал Децимус. Других достопримечательностей в Лондинии не имелось. Порция изменила первоначальное мнение об отставном легионере и нашла его рекомендации весьма полезными. Она уже обследовала несколько таверн и осторожно расспросила владельцев, намереваясь выяснить, кто из них готов продать свое заведение.

Катон подозвал стоящую за прилавком девушку, совсем юную, коренастую, с нездоровым цветом лица. Однако на латыни она разговаривала вполне прилично.

– Кувшин вина для нас троих. А из чего сегодня рагу?

– Из того же, что и всегда, – пожал плечами девушка. – Овес и луковая размазня.

– Очень аппетитно, – натянуто улыбнулся Катон, – принеси три миски и хлеб. Надеюсь, он свежий?

– Довольно свежий, на днях испекли.

Не дожидаясь очередного вопроса, девушка заторопилась к прилавку и занялась подносом с заказом гостей.

– Мило, правда? – равнодушным тоном осведомилась Порция, глядя на сына. – Больше тебе сказать нечего?

– А каких слов ты ждешь? – проворчал Макрон. – Таверна как таверна, не хуже остальных.

– Ничего подобного, – погрозила она сыну пальцем. – Именно ее я намерена купить. Благодаря Децимусу выяснилось, что владелец – ветеран Второго легиона. Ему осточертела Британия и не терпится поскорее вернуться в Рим. Вот почему он продает заведение. Я предложила цену, и он согласился.

Макрон снова осмотрелся по сторонам, на сей раз более внимательно.

– Почему ты выбрала именно эту таверну?

– Во-первых, – стала закладывать пальцы Порция, – выгодное местоположение. Мимо проходит множество людей, большинство из которых работает в штате губернатора. А стало быть, они могут платить за вино и еду дороже. Во-вторых, здесь восемь комнат, которые и сейчас сдаются путешественникам. Их число можно увеличить за счет пристроек. Дела в провинции рано или поздно наладятся, город будет разрастаться, и на проезжих можно сколотить небольшое состояние. И в-третьих, на противоположной стороне двора есть небольшие складские помещения, которые можно сдать в аренду гильдии проституток. Не сомневаюсь, такая дополнительная услуга придется по вкусу многим посетителям. Здесь масса возможностей, и цена вполне приемлемая. – Порция на мгновение замолчала. – Есть лишь одно препятствие. Денег, которые остались от продажи моего дома в Ариминуме, не хватает, чтобы заплатить владельцу предложенную цену.

Схватившись руками за голову, Макрон тихо простонал:

– Вижу, куда ты клонишь, матушка. Хочешь забрать часть моих сбережений?

– Не просто забрать. Пусть это будет заем или, еще лучше, выгодное вложение денег. Я оплачу половину суммы, а ты – остальную часть, и я сделаю тебя не принимающим участия в делах компаньоном. Сорок процентов прибыли – твои.

– Сорок? А почему не пятьдесят? – возмутился Макрон.

– Потому что вся трудная работа ляжет на мои плечи. Сорок процентов – вот мое окончательное предложение.

Катон с благоговейным трепетом наблюдал сцену торга. Деловая хватка Порции и умение настоять на своем вызывали восхищение. Ясно, откуда Макрон в полной мере унаследовал эти ценные качества.

– погоди-погоди! – привстал с места Макрон. – А если я не дам взаймы денег?

Порция сложила на груди изящные руки и, надув губы, капризно запричитала:

– Неужели ты и правда способен поступить так с родной матерью? Вынуждаешь меня купить захоластный трактиришко? А без твоей помощи ничего лучшего мне не светит. Придется работать до седьмого пота, чтобы добыть себе пропитание, и, в конце концов, умереть одинокой и всеми брошенной!

– Черт побери, ты отлично знаешь, я этого не допущу! – рассердился Макрон. – Обещаю о тебе позаботиться.

- Спасибо, дорогой. Так как насчет нашей сделки?
- Ладно, так и быть, – раздраженно засопел Макрон. – Сколько ты хочешь?
- Всего пять тысяч денариев.

От неожиданности у Макрона отвисла нижняя челюсть.

- Пять тысяч! Но это же... Это же мое жалованье за несколько лет!
- Ты можешь себе позволить такую мелочь.
- Откуда ты знаешь?
- Заглянула в шкатулку, что ты хранишь на дне походного мешка.
- Но она заперта.

Порция с сочувствием глянула на сына.

– Ах, мой мальчик, я пятнадцать лет работала в питейном заведении Ариминума и научилась у посетителей многим полезным штучкам. Владение отмычкой – не самое трудное искусство. А вот откуда у простого центуриона скопилось столько денег – вопрос занятный.

Макрон быстро переглянулся с другом, и у обоих по спине пробежал холодок. В свое время в Риме они помогли разоблачить заговор в рядах императорской гвардии. Заговорщики похитили из императорской казны часть серебряных слитков, и во дворце кража осталась незамеченной. Катон настаивал на возврате слитков, но Макрон наотрез отказался, заявив, что они честно заработали это серебро. В результате друзья поделили добычу, и Катон оставил свою долю у римского банкира. Макрон, считавший всех банкиров продажными паразитами, поменял серебро на золотые монеты, занимающие меньше места, и возил их с собой. И вот маленькая тайна друзей неожиданно открылась. Макрон с тревогой огляделся по сторонам, желая убедиться, что их разговор никто не подслушивает.

– Ладно, так и быть, – обратился он к матери. – Пять тысяч, а мне – пятьдесят процентов прибыли.

- Я же сказала – сорок.
- Уступи сыну, – в отчаянии умолял Макрон.
- Сорок процентов, и точка.
- Черт возьми, сдаюсь! – скрипнул зубами Макрон. – Только не вздумай снова рыться в моих вещах.

Порция мило улыбнулась и потрепала сына по щеке.

– Я знала, ты примешь верное решение. В свою очередь обещаю вести честную игру и получить от полученных денег максимум прибыли.

На этот счет у Макрона имелись некоторые сомнения, так как он хорошо знал таланты матушки. Подобно многим мелким торговцам она была мастером делать приписки и обладала не менее виртуозной способностью потчевать посетителей самыми дешевыми блюдами. Однако теперь у Порции появились собственные средства к существованию, и такое положение дел вполне устраивало Макрона. Не нужно волноваться за судьбу матери, когда придется сражаться с врагом и надолго покинуть Лондиний. В любом случае, если мать окажется права, то и Макрону что-нибудь перепадет, и вложение денег окупится.

Вскоре служанка принесла дымящийся кувшин с подогретым вином и три миски с похлебкой. С грохотом опустив поднос на стол, она принялась расставлять перед гостями миски, простые глиняные чашки и раскладывать бронзовые ложки. Неожиданно девушка чихнула и тут же вытерла нос длинным рукавом.

– Девять сестерциев.

Катон потянулся за кошельком, но друг его опередил:

– Уж коли меня решили обобрать до нитки, то сегодня плачу я.

Порывшись в кошельке, он достал горсть монет и вложил в огрубевшую от работы руку прислуги. Быстро пересчитав деньги, девушка вернулась к прилавку под пристальным взглядом Порции.

– Когда заведение перейдет в мою собственность, придется произвести кое-какие изменения, – задумчиво произнесла она. – Взять, к примеру, эту девицу. Необходимо научить ее хорошим манерам и умению следить за своей внешностью.

– Ладно, давайте приступим к трапезе, – торопливо предложил Катон, желая положить конец словесной перепалке между матерью и сыном.

Все изрядно проголодались, а потому ели молча. Что до Катона, все его мысли сосредоточились на Риме, где осталась Юлия. Пройдут долгие годы, прежде чем закончится служба в Британии, и в один прекрасный день он попросит жену отказаться от привычной комфортной жизни в Риме и воссоединиться с супругом. Катон не питал иллюзий по поводу условий в приграничной крепости или провинциальном городке. Сам он давно привык к суровой походной жизни, а вот Юлия – дело другое...

Невеселые размышления Катона прервали голоса с улицы, и в следующее мгновение на пороге появились два офицера. В одном из них Катон узнал младшего трибуна, с которым недавно познакомился в штаб-квартире губернатора.

– Присоединяйтесь к нам, – пригласил новых посетителей Катон, предварительно утерев рукой губы.

Молодые люди в нерешительности застыли у входа.

– Выпивка за мой счет, – подмигнул Катон.

– Ну, раз так... – улыбнулся спутник младшего трибуна, высокий юноша с темными волосами изумительной красоты.

Молодые люди подошли к столу, и Катон представил друга и его мать.

– Трибун Марк Пеллин, – представился в свою очередь высокий юноша и кивнул в сторону товарища. – Кай Дециан. Мы с вами встречались у губернатора, верно? Вы – новый командующий фракийской кавалерийской когорты в составе легиона легата Квинтата.

– Именно так. – Поймав взгляд служанки, Катон жестом приказал принести посуду для гостей. Девушка неохотно поднялась с места и, наклонившись над прилавком, стала доставать чашки. – А мой друг примет командование когортой в Четырнадцатом легионе.

– Могу представить, что вас ожидает, – хмыкнул Пеллин. – Похоже, вас специально выбирали для такой работенки.

– Какой именно? – поинтересовался Макрон.

Служанка поставила на стол еще две чашки, и трибун Дециан стал разливать вино.

– Во владениях силуров есть сторожевая застава, куда направили фракийцев вместе с когортой из Четырнадцатого. По плану губернатора мощные колонны должны продвинуться как можно дальше вглубь территории и не спускать глаз с противника, чтобы немедленно пресечь любую попытку Каратака и его воинов прорваться в провинцию. Только из крепости поступают донесения о сложной обстановке внутри гарнизона.

– И в чем же дело? – удивился Катон.

– Ну, сами понимаете, особой любви между легионерами и наемниками никогда не наблюдалось. То есть, когда дело ограничивается оскорбительными кличками и потасовками, ничего страшного нет. Однако воины в этих двух подразделениях люто ненавидят друг друга, и тут уж не до шуток.

– Сдается мне, кто-то должен надрать идиотам уши, – сердито буркнул Макрон.

– Похоже, временно назначенный командующий справляется с обязанностями и в ожидании замены наладил дисциплину. Но, безусловно, гарнизону требуется сильная рука. Вот почему туда направляют таких людей, как вы. Я видел послужные списки и должен признать, они производят сильное впечатление. Именно люди вашего склада там и нужны. Особенно если учесть, что ваша колонна пойдет первой в наступление, задуманное губернатором.

– Если только ему не удастся договориться с вождями местных племен на назначенной в ближайшее время встрече, – предположил Пеллин.

– Думаю, всем понятно, что добром это сборище не закончится, – возразил его товарищ. – Дикарям не терпится ввязаться в драку. Если они не воюют с римлянами, то режут глотки друг другу. Осторий тратит время попусту, пытаясь вести переговоры. Тупоголовые варвары не понимают ничего, кроме хорошей порки. – Дециан на мгновение умолк. – И уж коли разговор зашел о тупоголовых варварах, полюбуйтесь на одного из их представителей: вон он, стоит во дворе.

– Что такое? – встревожилась Порция. – Варвар посмел явиться сюда?

– Именно так, госпожа. И не один, а вместе со своей женщиной и кучей других дикарей. Пришел, и все тут! Вижу, все они вооружены. Наверное, пожаловали на встречу по приглашению губернатора. Ну и детина! Не хотел бы встретиться с ним в бою.

– Чем выше рост, тем больше падать, – фыркнул Макрон.

– Ну, чтобы свалить такого великана, потребуется лесорубный топор. В последние дни в Лондинию появляется довольно много дикарей, вызывая переполох среди населения. Многие местные жители давно отказались от синих татуировок и носят приличную одежду, а также переняли наши обычаи.

Катон имел все основания усомниться в словах Дециана. Несмотря на старания подражать римлянам, эти люди еще много лет будут считать себя бриттами. Особенно при наличии многочисленных племен, которые все еще рассматриваются как отдельные королевства, гордящиеся происхождением и независимостью. Со временем ситуация изменится вместе с их статусом. Подобные методы Рим использовал во всех завоеванных провинциях. Сначала заключается сделка с вождями местных племен, которая гарантирует им защиту Рима в обмен на мирное присоединение после смерти правящего вождя. Такая тактика оправдала себя во многих частях империи, но Катон не верил, что она сработает здесь. Договориться с жаждущими крови воинами Британии будет непросто. Доев похлебку, Катон запил кушанье подогретым вином.

– А как идет подготовка к новой военной кампании? – обратился он к Пеллину.

Трибун помрачнел лицом, поняв, что разговор пойдет на неприятную тему. Однако спорить со старшим по званию не полагалось.

– Почти все готово. Передовые склады заполнены всем необходимым. Последние отряды подкрепления движутся в свои подразделения, за кавалерийскими лошадьми тщательно ухаживают. Губернатор планирует выступить в первый погожий весенний день. Разумеется, если мирные переговоры закончатся провалом. А именно так и произойдет. А потом остается только молить богов о благосклонности. Местность, где предстоит сражаться, гористая и покрыта густыми лесами. Разведчикам удалось обнаружить лишь несколько тропинок. У противника прекрасная возможность организовывать засады. Если у Каратака хватит сообразительности, он измотает наши силы, применив тактику партизанской войны. Единственная надежда – отыскать их деревни и разорить, чтобы заставить варваров принять бой в открытом поле. А потом, если повезет, расправимся с Каратаком и его армией.

– Вижу, настрой у тебя не слишком бодрый, – хмыкнул Макрон.

– Бодрости и оптимизма у меня предостаточно. Ведь именно их губернатор требует от подчиненных в последнем приказе-инструкции. Не хочет, чтобы мы пугали прибывшие для подкрепления отряды, которым не терпится влиться в нашу славную дружную компанию. Никаких пораженческих настроений среди его окружения, а иначе губернаторский гнев падет на голову несчастного, который рискнет предположить, что победить Каратака в этой военной кампании вряд ли удастся. Так что, господа, оптимизма мне хватает. Однако должен заметить, это не мешает оставаться реалистом. И хочу предупредить всех, кто считает грядущий поход увеселительной прогулкой: вы вляпались в зловонную кучу дерьма. Прошу простить за грубость, госпожа.

Порция лишь с досадой отмахнулась, давая понять, что подобные высказывания ей не в диковинку. Вдруг она будто окаменела, не отрывая глаз от входной двери. Катон проследил за ее взглядом, и его взору предстали два воина огромного роста, которые только что зашли в таверну. На вновь прибывших гостях были накидки в коричнево-белую клетку, волосы стянуты сзади и заплетены в толстую косу, ниспадающую на спину. На мощных, покрытых волосами руках змеились замысловатые татуировки, а на поясе висели длинные мечи. Воины не спеша зашли внутрь, а вслед за ними – еще несколько человек, среди которых выделялся мужчина, настоящий сказочный великан. Ему пришлось наклониться, чтобы не удариться головой о притолоку. Рука об руку с гигантом шла одетая в плащ женщина, ее голову покрывал капюшон. Глянув на новых посетителей, служанка бросилась к двери за прилавком и стала звать хозяина.

Вся компания проследовала к прилавку, а предводитель, осмотревшись по сторонам, задержал взгляд на сидящих за столом римлянах. При виде Макрона и Катона свирепое выражение лица неожиданно сменилось удивлением.

– Великие боги! Глазам не верю! – Макрон схватил друга за руку. – Только посмотри, кто к нам пожаловал! Узнаешь?

– Разумеется, – спокойно ответил Катон. – Это Прасутаг.

Макрон, отодвинув со скрежетом скамью, поднялся с места.

– Эй, Прасутаг, это же я! То есть мы с Катоном!

От неожиданности Дециан едва не поперхнулся вином.

– Вы что, знакомы с этим дикарем?

Макрон, будто не слыша замечания трибуна, шагнул навстречу местному воину и протянул для приветствия руку. На мгновение Прасутаг застыл на месте, а затем, едва заметно улыбнувшись, кивнул, но руки не подал. Макрон тоже опустил руку и, еще не оправившись от изумления, встряхнул головой.

– Неужели это ты, Прасутаг? Вот так встреча!

– Приветствую тебя, центурион, – раздался женский голос, нарушивший тягостное молчание, воцарившееся в таверне.

Макрон стремительно повернулся в сторону гостьи. Женщина откинула назад капюшон, открыв взору заплетенные в тяжелые густые косы медно-рыжие волосы. Она приветливо улыбалась римлянину.

На секунду Макрон лишился дара речи и не сразу справился с волнением. Проглотив застрявший в горле комок, он с трудом выдавил:

– Бодикка...

Глава 6

– Королева Боудикка, – с притворной холодностью поправила женщина, но сияющие глаза выдавали ее веселье.

– Королева? – нахмурился Макрон. – Не понимаю.

– Я – супруга Прасутага, а следовательно, королева народа иценов. Вижу, и ты с момента нашей последней встречи повысился в звании. Уже не тот молоденький центурион, с которым мы когда-то были знакомы.

– Нет, я все тот же Макрон, только немного постарел.

Боудикка отошла от прилавка и взяла мужа за руку.

– Мы рады встрече.

Оба римских офицера обменялись взглядами с правителями народа иценов, и на некоторое время все замолчали, предаваясь воспоминаниям о некогда пережитых вместе невзгодах и опасностях. Сердце Макрона пронзила боль утраты при виде женщины, благосклонностью которой он пользовался в те безвозвратно ушедшие дни, когда Боудикка была своенравной девчонкой, дочерью одного из знатных иценов. Наконец Прасутаг не выдержал и, позабыв о королевском величии, с радостным гортанным кличем сжал Макрона в железных тисках дружеских объятий.

– Ха, как приятно снова встретиться с тобой, римлянин! Сколько лет, сколько зим!

С трудом высвободившись, Макрон перевел дыхание и не преминул похвалить старого приятеля:

– Вижу, ты стал говорить на латыни гораздо лучше.

– Приятно разговаривать с другом на его языке, – рассмеялся великан. Несмотря на чудовищный акцент, все слова он произносил очень отчетливо. Повернувшись к Катону, Прасутаг с улыбкой взял его за руку.

– А ты, Катон, все такой же отважный хитрец. – Он прикоснулся к шраму, пересекавшему лоб римлянина. – Знак воинской доблести, да?

– Всего лишь знак человека, не успевшего вовремя уклониться от меча, – рассмеялся Катон.

Боудикка тоже подошла к Катону и, слегка нахмурившись, принялась его рассматривать.

– Когда мы виделись в последний раз, ты выглядел совсем мальчиком, а теперь напоминаешь Макрона, каким он был в те времена.

– Как так? – шутливо возмутился Макрон. – Интересно, какой же в таком случае у меня вид сейчас?

Боудикка устремила на него пристальный взгляд.

– На лице прибавилось морщин, а в волосах появилась седина, а в остальном ты – прежний Макрон, которого я когда-то знала. И это замечательно. Приятно встретиться со старым другом. Ведь сейчас дружба приобретает особую важность, – продолжила Боудикка серьезнее. – Отношения между римлянами и иценами очень хрупки. Полагаю, вам известно о недавних событиях?

– Мы слышали о бунте, – кивнул Катон. – Жаль, что так случилось.

– Жаль? – насупился Прасутаг. – Произошла трагедия. Разорвана связь, которую удалось установить между Римом и нашим народом. Осторий потребовал сложить оружие, несмотря на данное мной слово чести хранить верность союзу с императором. Некоторые разоружились, но большинство погибло с мечами в руках. – Прасутаг опустил взгляд. – Дураки, конечно. Но дураки отважные, и возможно...

– Ты поступил правильно. – Боудикка сжала руку мужа. – Остался в живых и теперь служишь своему народу. Ицены в тебе нуждаются.

Прасутаг лишь пожал плечами в ответ на слова жены. Катон понимал уязвленную гордость воина, но ему очень хотелось узнать, что же произошло на самом деле.

– Расскажи, как ты стал королем?

– Я – один из немногих, не принимавших участия в бунте. Тяжелая болезнь помешала мне сражаться бок о бок с товарищами. И когда восстание подавили, губернатор решил, что я замену погибшего в бою прежнего короля.

– Понятно. Осторий сделал мудрый выбор. – Катон махнул рукой в сторону стола. – Выпьете с нами? Познакомьтесь с матерью Макрона, а те двое – наши сослуживцы.

– Матушка Макрона? – многозначительно подняла бровь Боудикка. – Не терпится побеседовать с этой женщиной.

Однако Прасутаг остудил пыл жены и, глянув на молодых трибунов, покачал головой:

– Как-нибудь в другой раз, друзья. Когда не будет посторонних ушей.

Услышав слова Прасутага, Пеллин вспыхнул и поднялся из-за стола:

– Благодарим за выпивку, господа, но нам пора возвращаться в казармы. Просим разрешения удалиться.

Второй трибун поначалу удивился, но тут же смекнул, в чем дело, и поддержал товарища. Поклонившись Порции, трибуны, будто не замечая короля и королеву народа иценов, удалились. За столом повисло неловкое молчание, которое нарушила Боудикка.

– Полагаю, вам известно о созыве племен?

– Да, мы включены в состав губернаторской свиты.

– Ясно. – В голосе Боудикки уже не слышалось прежней теплоты. – Значит, там и встретимся. Или где-нибудь по дороге.

– Будем рады. А пока давайте выпьем, нам есть что вспомнить.

Боудикка хотела ответить, но супруг ее опередил:

– В другой раз. Без толпы римлян вокруг. Пойдем.

Прасутаг взял жену за руку и повел к выходу. Попутно он отдал команду воинам, и те, прошествовав через таверну, удалились вслед за королем и королевой.

– Разве так встречаются добрые друзья? – грустно вздохнул Макрон. – После стольких лет.

– Со временем многое меняется, старина, – утешил Катон.

– И ты туда же! Нашел старину! – возмутился Макрон. – Давай-ка лучше выпьем. Тем более что не надо делиться с парой дармоедов-трибунов.

Они снова уселись за стол напротив Порции. Катон поднял кувшин и нахмурился, обнаружив, что сосуд стал значительно легче. Однако на дне еще плескались остатки живой влаги, и Катон поделил их по-братски, вылив львиную долю в кружку Макрона. Желая хоть немного оживить обстановку, он поднял кружку и произнес тост:

– За твое новое начинание, Порция! Судя по количеству проезжающих мимо посетителей, тебя ждет успех.

– Лучше бы они почаще здесь задерживались и заказывали выпивку, тогда и успех не за горами, – равнодушно бросила Порция.

Катон с печальным видом заглянул в полупустую кружку.

– И не ограничивались одним кувшином.

– Ну, где эти дебоширы? – послышался грозный голос, и из-за находящейся за прилавком двери появился грузный седой мужчина. За спиной у него с испуганным видом топталась девушка-прислуга. Оглядевшись по сторонам, владелец таверны убедился, что все посетители заняты выпивкой и не думают скандалить, и устремил на прислугу испепеляющий взгляд. – Так куда же они подевались?

Девушка отпрянула к двери, но хозяин таверны успел дать ей подзатыльник.

– Не смей отвлекать меня по пустякам, дурища! Иди лучше и подбрось дров в очаг!

Девушка присела, ловко увернувшись от очередного подзатыльника, и бросилась выполнять приказ хозяина.

– Полагаю, это и есть владелец таверны, которую ты хочешь купить? – Катон кивнул в сторону седого мужчины.

– Он, собственной персоной. – Порция жестом пригласила хозяина таверны подойти к их столу. – Самое время завершить сделку, коли сынок расщедрился и решил вложить деньги в мое новое начинание.

– Значит, теперь это называется вложением средств? – скривился Макрон. – А по мне больше похоже на грабеж среди бела дня!

Не обращая внимания на ядовитое замечание сына, Порция любезно улыбнулась хозяину таверны. Сразу чувствовалось, что этот человек привык командовать и не терпел от подчиненных даже намека на неповиновение. Несмотря на поредевшую шевелюру, он сохранил бравую выправку, выдававшую бывшего военного. Катон с первого взгляда определил, что в случае надобности хозяин легко урезонит разбушевавшегося посетителя, посмеявшегося нарушить покой в его заведении. Приглядевшись внимательнее, Катон узнал знакомые черты и не сдержал возгласа изумления.

– Центурион Гай Туллий!

Владелец таверны с подозрением покосился на посетителей, но в следующее мгновение его физиономия расплылась в радостной улыбке.

– Ба, кого я вижу! Катон и Макрон! Каким ветром вас сюда занесло? Если память мне не изменяет, вы распрощались со Вторым легионом много лет назад.

– Верно, – усмехнулся Макрон. – Однако ходят слухи, что вы, ребяташки, никак не справитесь с местными дикарями. Вот и пришлось призвать на помощь настоящих воинов, способных утихомирить этот сброд.

– Да ну тебя! – Туллий дружески шлепнул Макрона по плечу. – Мы прекрасно обходились без таких бузотеров, как вы! Но я все равно страшно рад. Приятно вновь встретиться со старыми товарищами по оружию. Клянусь всеми богами, нас, ветеранов, остались единицы.

Ах, и вы, госпожа, с ними! – обратился он к Порции и озорно подмигнул. – Или, может, эти молодые люди с вами?

– И что тут забавного? – Недовольно поморщилась Порция. – Да будет вам известно, центурион Макрон приходится мне сыном.

Туллий с изумлением уставился на Макрона.

– Подумать только, оказывается, у тебя есть матушка!

Пододвинув табурет, он присел к столу.

– Эй, Туллия, неси еще кувшин вина! Да смотри, выбери хорошее! Погоди-ка... тащи сюда галльское! Итак, друзья, рассказывайте, что заставило вас вернуться в эту вонючую дыру? Уж точно не любовь к местному климату.

– Вонючая дыра, говорите? – Порция словно пригвоздила хозяина таверны взглядом к табурету. – Уж не поэтому ли вы торопитесь продать заведение? Тогда придется сбавить цену на тысячу, а то и две.

Туллий понял, какую совершил оплошность, распустив язык.

– Госпожа, я решил продать таверну и переехать в теплые края где-нибудь в Кампанье. Лондиний сам по себе тоже весьма недурен. Здесь можно заработать хорошие деньги. Да разве посмел бы я подсовывать всякую дрянь достойной матушке моего боевого товарища! И потом, мы ведь, кажется, договорились о цене. – В голосе Туллия послышались суровые нотки.

– Ничего подобного. Я предложила цену, а вы обещали подумать. Но теперь, видя ваше нетерпение поскорее избавиться от таверны, я пересмотрела свое первоначальное решение и полагаю, что девять тысяч – более разумная цена.

Туллий с нескрываемым удивлением уставился на женщину.

– Черт побери, а твоя матушка, Макрон, крепкий орешек! Но цена остается прежней – десять тысяч.

– Девять.

– Девять с половиной.

Порция на мгновение задумалась.

– Девять с половиной, и по рукам.

– Ладно, только из уважения к родне старого друга, – хмуро буркнул Туллий. – Но я терплю большой убыток. Граблю сам себя.

Плюнув на ладонь, он протянул Порции руку, и почтенная дама немедленно ей завладела, не давая времени переменить решение. Девушка-прислуга вовремя подоспела с полным кувшином вина и, поставив его перед посетителями, торопливо удалилась.

Туллий наполнил кружки до краев и произнес тост:

– Выпьем за Второй легион, друзья!

– За Второй! – дружно повторили Катон с Макроном и осушили кружки до дна.

К изумлению Макрона, вино оказалось гораздо лучше, чем он рассчитывал, и друзья незамедлительно налили по второму кругу.

– Эй, полегче! – умерила их пыл Порция. – Теперь все здесь принадлежит мне, так что за следующий кувшин придется платить.

– Вот это хватка! – с унылым видом проворчал Туллий. – Ладно, вернемся к нашему разговору. Полагаю, вы прибыли в Британию, чтобы пополнить ряды легионов Остория в новой военной кампании?

– Верно, – подтвердил Катон. – Макрон назначен старшим центурионом в Четырнадцатый легион.

– Тьфу! Четырнадцатый? Сборище никчемных слабаков. И в подметки не годятся бравым ребятам из Второго!

– Посмотрим, время покажет, – осторожно заметил Макрон, не желая подрывать репутацию вверенного ему подразделения. Старший центурион не сомневался, что сумеет навести там порядок. Он снова подлил себе вина.

– Ну а ты, Катон? Собираешься служить под началом Макрона? Думаю, ему пригодится такой опытный центурион, как ты.

На мгновение Катон почувствовал неловкость.

– Нет, меня направили в другое подразделение. Буду командовать когортой фракийской кавалерии.

– Ты? – выпучил глаза Туллий. – Значит, ты теперь в звании префекта? Черт побери, вот это да! Когда мы виделись в последний раз, ты был младшим центурионом. Здорово же ты продвинулся, дружище! То есть, простите, господин префект. – Туллий робко шаркнул ногой.

– Оставим формальности, ведь мы не на службе, – успокоил старого приятеля Катон. – То есть ты ведь больше не в армии.

– Верно, но сохранил уважение к званиям и к людям, что их носят. Префект Катон. Звучит здорово. Клянусь богами, ты, наверное, побывал в изрядных переделках и покрыл себя славой. Звание префекта просто так не дают. Или, может, ты переспал с любовницей императора? Или с самим Клавдием? Старый распутный пес. По крайней мере, такая о нем идет молва.

Осушив кружку, Макрон предостерегающе поднял палец:

– Хватит шуток. Катону это звание далось тяжело, я тому свидетель.

– Значит, справедливость восторжествовала, – согласился Туллий. – А теперь вы явились сюда, на кладбище всех честолюбивых замыслов. Именно так называется это проклятое местечко.

– Что ты хочешь сказать?

– А то, что славы здесь не добыть. Времена великих сражений остались в прошлом. Каратак со своей сворой засел в горах, а наши ребята торчат в крошечных крепостях и не спускают глаз с дикарей. И, отправляясь в дозор, думают лишь о том, как бы их не уколошили. Иногда удается схватить несколько размалеванных ублюдков и прижать им хвост. А только по всему видно: Риму еще очень долго придется укрощать бриттов, до тех пор, когда и память о вторжении исчезнет. Послушайтесь доброго совета и при первой возможности подайте рапорт о переводе в другое место службы.

– Ты ошибаешься, – вмешался Макрон. – Осторий собирается дать им последний шанс покориться власти Рима, и если это не удастся, нанесет решительный удар всеми силами, что имеются в его распоряжении. – Язык старшего центуриона стал заметно заплетаться.

– В самом деле? – хмыкнул Туллий. – Думаете, это первая попытка губернатора поставить ублюдков на колени? С чего вы решили, что у Остория больше шансов, чем у его предшественника Аулуса Плавтия?

– Потому что на сей раз на его стороне сражаться будем мы с Катоном! – ударил себя в грудь Макрон. – Вот так-то!

Катон, скрестив пальцы, только покачал головой.

А Макрон, сев на любимого конька, уже не мог остановиться.

– Зададим Каратаку трепку, вот посмотришь! Расквасим нос и выпорем этого варвара, как дворовую псину! Все закончится к сатурналиям³.

– Может, желаешь заключить пари? – лукаво ухмыльнулся Туллий.

– Непременно! – с жаром воскликнул Макрон.

– Не смей, Макрон! – рыкнула на сына Порция.

³ Сатурналии – празднества в честь бога Сатурна, проводившиеся во второй половине декабря.

Ответить тот не успел, так как в этот момент дверь распахнулась, впуская в помещение поток холодного воздуха. На пороге появился штабной писарь. Осмотревшись вокруг, он остановил взгляд на столе, за которым сидел Катон и его собеседники.

– А ну, закрой поддувало! – гаркнул через плечо Макрон.

– Прошу прощения, господин. – Писарь закрыл дверь на щеколду и, подойдя к столу, вытянулся по стойке смирно.

– Простите, префект, однако губернатор шлет наилучшие пожелания и просит вас обоих сопровождать его завтра утром в Дурокорновий.

– Мы будем на месте в указанное время, – кивнул Катон. – А теперь можете идти.

Писарь с поклоном удалился, а Катон встал из-за стола.

– Пора, Макрон. Нужно найти Децимуса, собраться в дорогу и лечь пораньше спать.

– Да брось ты! Так приятно выпить в компании Туллия. Вот навеселюсь вволю и приду.

Катон хотел было приказать другу следовать за собой, но передумал. Он достаточно хорошо изучил натуру Макрона и понимал, что подобное обращение только испортит старшему центуриону настроение. Лучше оставить его в покое. Пусть хорошенько напьется, а потом вернется в казарму, вполне довольный жизнью и счастливым. Кроме того, по причине неизбежного утреннего похмелья друг не будет досаждать ему по дороге в Дурокорновий и даст возможность побыть наедине со своими мыслями.

Глава 7

На рассвете Порция пришла проводить их в путь. Катон снабдил Децимуса достаточным количеством серебра для покупки трех мулов, на двух предполагалось нагрузить багаж, а третий предназначался для слуги. Катону и Макрону губернатор предоставил двух лошадей. Душераздирающей сцены у городских ворот не состоялось по причине отсутствия таковых в Лондинии. Их еще не успели соорудить, и Лондиний заканчивался рядами лачуг по обе стороны дороги, ведущей на запад. Макрон опасался оставлять мать среди диковатых на вид обитателей этого района и, остановив лошадь, дождался, когда небольшая колонна воинов пройдет мимо. Затем старший центурион торопливо чмокнул Порцию в лоб. Со вчерашнего перепоя разламывалась голова и сильно мутило, в результате чего над Макроном нависла нешуточная угроза опозориться перед товарищами, если вдруг накатит приступ рвоты.

– Давай простимся здесь, – предложил Макрон. – Не нравятся мне эти мерзкие рожи. – Он кивнул в сторону местных жителей, которые, встав с первыми лучами солнца, наблюдали за продвижением римлян по изрытой колеями дороге.

– Не волнуйся за меня. – Порция приподняла полу плаща, открывая взору висевшую на поясе туники наполненную свинцом дубинку. – Память о днях, проведенных в Ариминуме.

– Ну, ты уж не сильно зверствуй, не перебей всех местных, – пошутил Макрон, пытаясь сгладить грусть расставания. – Оставь и мне парочку, в конце концов, это моя работа.

Улыбнувшись одними уголками губ, Порция взяла сына за подбородок и посмотрела в глаза.

– Береги себя и этого мальчишку Катона. Не делай глупостей. Я же тебя знаю как свои пять пальцев. И мне известно, на какие безумства ты способен. Прошу лишь об одном: не рискуй понапрасну. Договорились?

Макрон покорно кивнул.

– Возможно, когда-нибудь и у тебя родится сын, – вздохнула Порция. – Вот тогда ты меня поймешь. А сейчас иди, пока я не расплакалась.

– Скорее небеса рухнут нам на головы, – произнес нараспев Макрон. – Тебя ведь ничем не пронять!

– Уходи!

Не сказав больше ни слова, Порция уронила руку и, отвернувшись от сына, решительным шагом направилась по дороге в центр Лондиния. Макрон смотрел матери вслед, но она так и не оглянулась.

– Несокрушимая словно скала, ничем не пронять, – пробормотал Макрон и, натянув поводья, пустился догонять губернаторский эскорт. Местные жители, утратив интерес к происходящему, разбрелись по убогим хижинам. Вот уже остались позади последние лачуги, и губернатор отдал приказ сесть на лошадей.

Катона обучали верховой езде в бытность рекрутом, да и в последующие годы ему приходилось воспользоваться этим мастерством, однако он чувствовал себя в седле не совсем уютно. К тому же лошадь попалась нервная и дергалась по каждому пустяку. Осторий ехал впереди отряда и время от времени бросал через плечо взгляд в сторону Катона, и префект прекрасно понимал его намерения. Губернатор испытывал нового командира кавалерии, проверяя, как тот справляется с норовистой лошадью. Катон, в свою очередь, сосредоточил все внимание на непокорном животном, стараясь предугадать его реакцию на происходящее вокруг и держать его поведение под контролем. Не приведи боги, начнет взбрыкивать или вставать на задние ноги, намереваясь сбросить всадника. Тогда позора не оберешься.

Дорога оказалась не из легких и большей частью представляла собой размытую грязную тропу. На участках, где она переходила в сплошное месиво, дорожные инженеры соорудили бревенчатую гать, засыпав промежутки между бревнами землей, чтобы обеспечить беспрепятственный проход колонн на марше, а также проезд всадников и колесного транспорта. Дождя пока не было, но все небо затянуло тяжелыми облаками, а в ложбинах стоял густой белый туман. Солнце так и не появилось, а потому картина вряд ли изменится до конца дня. Катон мысленно представил, какое впечатление произвел остров на римлян, высадившихся здесь первыми. Прохладный сельский воздух стал настоящей отрадой после зловонного Лондиния. Стоял конец апреля, и на голых ветвях деревьев и кустарников уже набухли почки, а кое-где пестрели яркими пятнами первые цветы. Вскоре город остался далеко позади, и лишь едва заметная коричневая линия на волнистом горизонте напоминала о его присутствии.

Катон быстро приспособился к характеру своенравной лошади и теперь мог лучше рассмотреть спутников. Перед отъездом в штабе губернатора состоялась короткая процедура знакомства, но Катон тут же забыл большинство имен. Однако этот тип людей был ему хорошо знаком. Остория сопровождали десять специально отобранных легионеров, выполняющих обязанности личных охранников. Закаленные в боях ветераны с безупречными послужными списками, которые готовы защищать губернатора ценой собственной жизни. Помимо них шесть трибунов, младших офицеров, которые будут получать должности в гражданской администрации и, возможно, в один прекрасный день попадут в сенат. А уж оттуда несколько избранных получают пост губернатора одной из римских провинций. Подобный путь проделал и Осторий Скапула, посвятивший жизнь двойным идеалам Рима и прославлению своего семейства. Несомненно, теперь он стремится завершить карьеру окончательным покорением Британии. Жаль только, что у местных племен на этот счет совсем другие планы.

В хвосте отряда ехал переводчик из местных жителей. Хотя глядя на аккуратно подстриженные волосы, красную тунику и плащ, можно легко принять его за римлянина. И лишь кельтская гривна с затейливым рисунком на шее выдавала его истинное происхождение. Теперь переводчика, стройного ухоженного мужчину лет тридцати, звали на рим-

ский лад Маркоммием, и с первого взгляда становилось ясно, что он распрощался с образом жизни и обычаями своего народа.

Катон ехал следом за трибунами, а Макрон пристроился к телохранителям и уже завязал с ними разговор. Они оживленно болтали под монотонный стук копыт, а небольшой отряд продвигался тем временем по тропе, проходящей по покрытым зелеными холмами землям племени атребатов. Среди дубовых рощ виднелись участки возделанной земли и крестьянские хижины, а кое-где встречались и поместья с ухоженными полями правильной формы. На пути то и дело попадались местные жители, трудящиеся на земле, которых Осторий приветствовал с улыбкой. Остальные офицеры следовали примеру губернатора, и Катону такое поведение пришлось по душе. Он никогда не одобрял высокомерия римлян к завоеванным народам. Ведь самый быстрый способ насадить римские нравы – установление добрых отношений, а самый верный путь вызвать ненависть – унижение людей, обращение с ними как с существами неполноценными. Такая политика вызывает лишь обиду и возмущение, а во многих случаях приводит к открытому бунту.

Через некоторое время Осторий придержал коня и поравнялся с Катоном. Дорога спустилась вниз, в долину, заполненную туманом, окутавшим всадников плотным облаком, сквозь которое едва виднелись смутные очертания деревьев и кустарников.

– Перед отъездом я проинструктировал трибунов и телохранителей, и сейчас хочу удостовериться, что вы с центурионом Макроном тоже введены в курс дела, – начал разговор Осторий. – Думаю, судьбоносное значение грядущего события понятно. Это наш последний шанс заключить мир с Каратаком и его сторонниками. Разумеется, нет гарантии, что он явится на встречу собственной персоной, однако там соберутся люди, разделяющие его взгляды, и, несомненно, обо всем доложат своему вождю. Многие уже являются нашими надежными союзниками, однако надо признать, что противников у Рима тоже хватает. Но все равно большинство проголосует за мир, а не за войну, и встреча принесет пользу, так как наглядно продемонстрирует, что сопротивляющиеся власти Рима находятся в изоляции. И все же я ничего не принимаю на веру, а потому хочу предупредить вас, а также находящегося в вашем подчинении старшего центуриона: относитесь к делегатам из числа местных жителей с подобающим уважением. Надеюсь, это ясно?

– Да, господин губернатор.

– Мое распоряжение распространяется и на друидов, которые также будут присутствовать на встрече.

– Друиды? Я считал их нашими самыми яркими врагами. Они не раз подтверждали это мнение, когда мы с Макроном служили в Британии несколько лет назад.

– Они и сейчас люто нас ненавидят, и есть официальная установка истребить их всех до последнего. Только если мы запретим друидам присутствовать на сходе, надежды на заключение мира нет. От души надеюсь, что сумеем их убедить, воззвав к разуму.

– Друиды, насколько я их помню, оголтелые фанатики, – прищелкнул языком Катон. – И они скорее примут смерть, чем пойдут Риму даже на самые малые уступки.

– Я уже говорил вам, префект, не следует судить по прошлому, – с нескрываемым раздражением перебил Осторий. – Люди меняются, и наступает момент, когда даже самым заклятым врагам надоедает убивать друг друга, и тогда вдруг возникает желание договориться о мире.

– Согласен, ваши слова верны в отношении нормальных людей, но не друидов.

– Отбросьте подобные мысли, префект. Я ведь не забавы ради затеял этот разговор. Между нами не должно быть места непониманию, префект Катон. Будете вести себя любезно и предупредительно со всеми, включая друидов. Нет, в особенности с друидами. Мой приказ распространяется и на вашего приятеля центуриона. И не вздумайте затеять с кем-нибудь ссору. Понятно?

– Да, господин губернатор.

– Прекрасно. Каратаку, если он соизволит появиться, также оказывать подобающие знаки почтения, как и любому представителю племени силуров или ордовисов.

– Слушаюсь, господин губернатор.

– Тогда будьте добры, проследите, чтобы центурион Макрон тоже уразумел, как нужно себя вести.

Губернатор пришпорил лошадь и вскоре занял прежнее место во главе колонны. Глядя вслед Осторию, Катон чувствовал, как в душу закрадываются дурные предчувствия. Похоже, губернатор делает слишком высокую ставку, стремясь любой ценой заключить мир. Даже если удастся убедить Каратака сложить оружие, Осторий должен понимать, что условия такого мирного договора будут неприемлемы для Рима, если их истолкуют как унижительные для императора и его легионов. И хотя Катон полностью разделял желание губернатора положить конец вражде, он все равно опасался, что после схода борьба вспыхнет с новой силой. И это, разумеется, обрадует Макрона. Катон с грустью улыбнулся. Его друг жаждал битвы и на поле боя чувствовал себя как рыба в воде. Война была его стихией. Любопытно посмотреть, как Макрон будет выполнять приказ губернатора.

Придержав коня, Катон дождался, когда Макрон и легионеры с ним поравняются. Похоже, друг оправился после похмелья и рассказывал какую-то занимательную историю, не выпуская из рук бурдюк с вином, который ему услужливо предложил один из легионеров.

– ...и вот я говорю: «Скверно, если девица одноногая». А этот осел ничего не понял!

В ответ раздался дружный хохот.

– Старая история, – обратился Катон к другу. – Слышал ее от тебя уже раз десять, не меньше.

– Хорошая шутка как вино, с годами становится только лучше, – парировал Макрон и, перебросив поводья через луку седла, приник к бурдюку с вином.

– Разумно ли это?

– Надо опохмелиться, – причмокнул губами Макрон.

– Видела бы тебя сейчас матушка. Интересно, что бы она сказала?

– Даже не представляю. А ты что делаешь в хвосте среди рядовых?

– Хочу передать приказ губернатора. Он велел нам вести себя смирно в присутствии представителей местных племен. Так что на твоём месте я бы воздержался от выпивки.

– Не волнуйся. Я умею держать себя в руках, если сочту нужным. А сейчас желаю повеселиться с ребятами. И не сомневайся, когда придет время, буду вести себя безупречно. Разве я тебя когда-нибудь подводил?

– Ну, подводить не подводил, а в пару потасовок втянул. А сейчас как раз настало время не давать повода для нареканий и быть пай-мальчиками. Примерными римскими гражданами.

– Если бы я хотел таковым стать, не пошел бы в армию.

– Послушай, Макрон, мы получили приказ, а потому разговор окончен.

Макрон с унылым видом кивнул и нехотя вернул бурдюк с вином владельцу, а затем присоединился к Катону. Колонна продвигалась вперед сквозь навевающий жуткие мысли туман, и префект стал беспокойно озираться по сторонам. Наблюдая за ним, Макрон лишь насмешливо фыркнул:

– Остается лишь уповать на то, что местные племена тоже хотят заслужить похвалу за примерное поведение. Для засады лучшего места не придумать. Можно атаковать со всех сторон и перебить как цыплят, а мы и глазом моргнуть не успеем.

– Благодарю за моральную поддержку.

Катон напряг зрение и слух, стараясь различить подозрительное движение или шорох, но со всех сторон раздавался лишь мерный топот копыт да приглушенный разговор трибунов

и телохранителей. Небо немного прояснилось, и из-за облаков выплыл бледный солнечный диск, осветивший землю, однако тепла он не принес.

Царившее в отряде мрачное настроение немного оживилось, но вот дорога снова перевалила через хребет, ныряя в очередную, утопающую в клубах тумана низину. Солнце уже стояло в зените, и губернатор остановил колонну, чтобы дать короткую передышку лошадям и всадникам. К Катону и Макрону подошли два легионера и взяли под уздцы лошадей, давая офицерам возможность немного размять ноги.

– Ну, как себя чувствуете, оказавшись снова на британской земле? – улыбнулся префекту Осторий. – Во всей империи не сыскать более мерзкого местечка. Просто волосы дыбом встают, верно?

В памяти Катона сохранились яркие воспоминания о британских туманах, окутывающих окрестности в течение долгих дней, наводя ужас на некоторых воинов с богатым воображением. Макрон, разумеется, к их числу не принадлежал, а вот Катон встревожился не на шутку. Он уже собирался ответить Осторию, но вдруг услышал на тропе тихий стук копыт.

И Осторий уже не улыбался. Отойдя в сторону, он оглянулся на стоящих возле лошадей безмолвных охранников.

– Центурион Макрон, уберите этих воинов и ваших слуг с дороги, распределите поровну по обоим флангам на расстоянии пятидесяти футов и не двигайтесь с места, пока я не отдам приказ. Остальным седлать коней и перекрыть тропу.

Катон и его спутники сели на лошадей и выстроились в ряд поперек тропы. Осторий некоторое время прислушивался, и, сев в седло последним, выехал вперед и остановился посреди дороги. Катон заметил, как рука губернатора сжала рукоять меча. Стук копыт слышался все отчетливее.

– Как думаете, сколько их? – с тревогой в голосе поинтересовался один из младших трибунов.

Кому адресован вопрос, понять было трудно, но Катон почувствовал, что молодого офицера надо приободрить. Префект имел достаточный опыт кавалериста и без труда определил примерное количество всадников.

– По-моему, не больше десятка.

Трибун успокоился и, следуя примеру командующего, положил руку на рукоять меча. От внимания Катона не ускользнула нервная дрожь в пальцах, и вспомнились собственные страхи, одолевавшие на заре военной карьеры в последние минуты перед битвой. Теперь все страхи остались в прошлом, но сохранились грызущее чувство тревоги и боязнь подвести товарищей. Особенно Макрона. А еще ужас перед перспективой остаться калеккой после тяжелого ранения, став предметом всеобщей жалости и злых насмешек. От размышлений префекта отвлекла лошадь, попытавшаяся выйти из строя. Стиснув зубы, Катон прищипорил непокорное животное и заставил вернуться на прежнее место. А стук копыт звучал все ближе, и вскоре из тумана вынырнуло несколько теней, и послышался окрик на языке одного из местных племен. Первый всадник осадил коня, и за его спиной появился небольшой отряд.

Снова прозвучал вопрос на одном из местных диалектов, и Осторий, подняв в приветственном жесте руку, выкрикнул в туман:

– Римляне!

В ответ слышались приглушенные голоса, а затем наступило молчание. Рядом с Катонem звякнул металл, и префект, обернувшись, увидел, как молодой трибун вытаскивает из ножен меч.

– Болван, немедленно верни оружие на место! – одернул он юнца свистящим шепотом. – Не вздумай и пальцем шевельнуть без приказа губернатора.

Трибун послушно выполнил распоряжение, но руки с эфеса не убрал.

– Приблизьтесь и назовите себя! – приказал Осторий. После небольшой паузы один из бриттов выехал вперед, и взорам римлян предстал крепкий рослый мужчина с длинными, падающими на плечи волосами, одетый в отделанный мехом плащ, под которым тускло поблескивала кольчуга. Всадник приблизился, и губернатор опустил руку.

– Приветствую вас, король Прасутаг.

– И я вас приветствую, губернатор Осторий. Поначалу мне показалось, что здесь засада.

– Кто посмеет устроить вам засаду на территории, которая находится под нашим контролем?

– У каждого имеются враги. – Прасутаг подал знак спутникам, и они подъехали к своему вождю, а Осторий приказал Макрону и телохранителям вернуться на дорогу. Заметив приближающихся с обеих сторон римлян, всадники иценов заметно встревожились. Желая рассеять их подозрения, Осторий направил коня вперед и обменялся рукопожатием с Прасутагом.

– Сочту за честь, если вы присоединитесь и проделаете с нами оставшийся до Дурокорновия путь.

– И я буду польщен, если вы присоединитесь к нам, – промолвил в ответ Прасутаг.

Мгновение поколебавшись, Осторий согласно кивнул:

– Прекрасно. С радостью принимаю ваше приглашение.

После слов губернатора обстановка разрядилась, и молодой трибун рядом с Катонем облегченно вздохнул и расслабился в седле.

Вскоре теперь уже более многочисленная процессия вышла из тумана и стала подниматься по дороге, которая, по всем признакам, использовалась гораздо чаще. Она проходила через вереницу хребтов, простиравшихся на запад. Облака потихоньку рассеивались, и в прорехах голубого неба тускло светило солнце, отбрасывая на окрестности причудливые тени. Губернатор ехал рядом с Прасутагом, время от времени обмениваясь с ним парой слов. Воины иценов шли следом, а за ними – королева Боудикка в сопровождении Макрона и Катона. Римляне замыкали шествие.

– Я предполагала, что мы вас нагоним, – призналась Боудикка. – Во время последней встречи мы оказались в щекотливой ситуации, и мне хочется расставить все по своим местам и выяснить отношения.

В отличие от супруга Боудикку с юных лет обучал латыни нанятый отцом купец. Он предвидел, что когда-нибудь придется разговаривать с представителями великой империи, которые, достигнув побережья Галлии, готовились к вторжению в Британию.

– Прошло немало лет, а ты, Макрон, совсем не изменился. Красив и неуправляем, как в прежние дни.

В ответ центурион буркнул нечто нечленораздельное. Непросто после долгой разлуки снова встретиться с женщиной, с которой имел физическую близость. Нет, безусловно, тогда их связывали искренние, теплые чувства, и все же верх брала необузданная страсть. Положение усугубляло присутствие Прасутага, с которым Боудикка обручилась перед отъездом Макрона из Британии. И вот теперь Прасутаг стал королем, а Боудикка – его супругой. Возникла чертовски неловкая ситуация, и Макрон не знал, как из нее выпутаться. Разумеется, о возврате к старому нет и речи, но обращаться к Боудикке, как того требует ее высокое звание, тоже не очень получается. Приятельский тон, выбранный королевой, нисколько не облегчал участь центуриона.

– А вот ты, Катон, стал закаленным в боях ветераном. И шрам на лице тебе идет, придает свирепый вид.

– Вот и жена говорит то же самое.

– Так значит, ты женился? Что ж, ничего удивительного. И кто счастливая избранница?

– Ее зовут Юлия.

– А где она сейчас?

– Осталась в Риме.

– Думаю, разлука стала для вас обоих тяжким испытанием. Почему ты не взял ее с собой?

Катон задумался, подыскивая подходящие слова. Ну как объяснить, что Юлия привыкла к комфорту и роскоши, которые обеспечивал отец? Как рассказать о своих опасениях, что жена не смирится с необходимостью жить в Британии с ее суровым климатом и него- степриимными обитателями?

– Предпочитаю, чтобы Юлия жила там, где ей удобнее.

– Вот как? – Боудикка метнула в сторону Катона удивленный взгляд. – Я-то всегда считала, что женщине удобнее всего находиться рядом с супругом.

– Римские женщины отличаются от местных.

– Хочешь сказать, они не склонны к шалостям?

– У них сильно развито чувство долга. Наши жены приучены ждать возвращения мужей с воинской службы и хранить для них тепло домашнего очага.

– Вот оно что. Понятно, почему твоя Юлия предпочитает вести такой образ жизни. Вероятно, не желает претерпевать лишние беспокойства и волнения. Угадала?

Катон с трудом сдержал раздражение. Ему вовсе не хотелось посвящать посторонних в подробности своей супружеской жизни. Кроме того, Боудикка разбередила рану и лишь усилила мучительные сомнения, уже давно грызущие душу.

– Расскажи лучше о себе, – решительно сменил он неприятную тему разговора. – Как тебе живется в роли королевы и супруги Прасутага? Вы с ним счастливы?

С лица Боудикки исчезла улыбка, и она устремила взор на маячившую впереди широкую спину мужа.

– Прасутаг стал королем всего два года назад.

– Вот повезло парню! – вмешался в разговор Макрон.

– Вряд ли можно назвать это везением. Ему пришлось выбирать между изгнанием и королевским титулом. Мало того, что Прасутаг стал ставленником Рима, ему приходится мириться с наличием ряда крепостей вдоль границы наших земель и обеспечивать беспрепятственное прохождение римских дозоров. Хуже всего, что Осторий заставил Прасутага выплачивать долги прежнего короля Бодомина, который назанимал кучу денег у римских ростовщиков. Теперь наш народ душат налогами и, кроме того, обязывают ежегодно отправлять по пятьсот юношей на службу в ваших когортах наемников. И, должна заметить, если Рим и дальше намерен обращаться с британскими племенами подобным образом, то всеобщее восстание – лишь вопрос времени.

– Ицены расплачиваются за неповиновение власти Рима, – с невозмутимым видом заметил Макрон. – На что они надеялись, оставшись в одиночестве?

– Да, единственное открыто восставшее племя. Но недовольных и обиженных гораздо больше. Наши соседи тринованты находятся в еще более тяжелом положении, с тех пор как губернатор основал колонию ветеранов в Камулудуне. Вашим людям раздали окрестные земли, но они захватили гораздо больше положенного. Любого, посмеявшего подать жалобу, жестоко избивают, некоторых даже убивают. А этот храм в честь Клавдия, что строится в самом центре города! Я и не догадывалась, что Клавдий причислен к лику богов! – недобро усмехнулась Боудикка. – Во всяком случае, когда мне довелось увидеть его во время краткого пребывания в Камулудуне, сходства с божеством я не заметила.

– Тише, – предупредил Катон. – Опасно вести подобные разговоры. И если о них станет известно в Риме, дело плохо. Бессмертные имеют прескверную привычку постоянно напоминать остальным о том, насколько те смертны.

– Может, ты и прав. А только угрозы теряют силу, если народ доведен до крайности. Тринованты уже и так удручены потерей части земель, но на этом дело не закончилось. Их заставляют платить налоги на постройку храма. Как вам это нравится, а? Обирают людей до нитки, выкачивают все деньги, чтобы воздвигнуть памятник их угнетателю! Если Рим предлагает нам такой мир, губернатору придется попотеть, убеждая племена в его ценности. Я не жду ничего хорошего от этого схода.

– Тогда почему вы здесь? Зачем Прасутаг принял приглашение Остория?

– Приглашение? О чем ты? – горько усмехнулась Боудикка. – «Требование» – куда более подходящее слово. Хозяин приказывает рабу, как своей комнатной собачке. А приехали мы сюда из боязни навлечь на иценов еще большую немилость губернатора. Думаю, с остальными племенами, которые на свое счастье являются союзниками Рима, дело обстоит точно так же.

– Осторий стремится к миру, – продолжал упорствовать Катон. – Он хочет положить конец вражде в этой провинции.

– Неужели не понимаешь? – сверкнула глазами Боудикка. – Я ведь объяснила, что означает мир для племен, которые уже находятся под римским игом. А теперь признайся, Катон, обрадовался бы ты такому миру, окажись сам на месте местных жителей?

Глава 8

На третий день похода, когда уже стали сгущаться сумерки, небольшой отряд римлян и иценов свернул с дороги на Дурокорновий и направился к заставе в Цунетио, находившейся в пяти милях от священных колец. Именно там должен был состояться сход племен. Маленький гарнизон состоял из неполной центурии галлов под началом опциона, который уступил свое скромное жилище губернатору. Солдатам же приказали покинуть казармы, чтобы разместить прибывших гостей. Ночевать им предстояло в складских помещениях или под открытым небом. Опциона проинструктировали по поводу схода и приказали оставаться на заставе, не вступая в контакт с проходящими мимо местными жителями. Осторий стремился оградить себя от любых неожиданностей, результатом которых может стать очередная кровопролитная военная кампания.

– Все ваши приказы выполнены, господин губернатор, – отрапортовал опцион. – В течение пяти дней ни один человек не выходил за ворота крепости.

– Отлично. А делегации местных племен мимо проходили? Вы их видели?

– Видел. Их очень много. И среди них друиды.

– Точно? Ты не ошибся? – засомневался Макрон.

– Нет, это явно друиды. На некоторых были разноцветные одежды, а на других – простые однотонные плащи. Правда, их немного, но они выделяются среди остальных и держатся ото всех особняком.

– Слышал? – обратился центурион к Катону. – Перспектива разборок с этими типами меня не радует.

– Никаких разборок с друидами или кем-либо из прибывших на сход не будет, – грозно нахмурился Осторий. – Надеюсь, я ясно выражаюсь? Всем участникам схода в течение десяти дней обещано беспрепятственное прохождение к священным кольцам в Авибарии и обратно. И каждый, кто посмеет затеять смуту во время перемирия, лишится головы.

– Понятно, господин губернатор, – склонил голову Макрон. – Но что если другая сторона не пожелает выполнять установленные условия? Как прикажете действовать в таком случае?

– Категорически запрещается применять оружие, за исключением самообороны, и только если другая сторона применит его первым, – с решительным видом заявил Осторий, глядя на офицеров. Воины именов уже заняли предназначенные для них казармы, и лишь небольшая группа осталась на улице, молча слушая обращение губернатора к римлянам. – Если потасовки избежать не удастся, ничего не предпринимайте без моего приказа. А тот, кто ослушается, пусть пеняет на себя.

Губернатор сделал паузу, чтобы до всех дошла серьезность его угроз. И уже более миролюбивым тоном продолжил:

– Все племена уже, должно быть, прибыли. Сейчас мой переводчик Маркоммий объедет лагерь и проверит. И если все на месте, первое собрание проведем сегодня вечером. Поскольку это место священно для местных жителей, дождемся, когда они сообщат о готовности нас принять. А потом, господа, доверимся воле богов.

– Интересно, каких богов он имеет в виду: наших или местных? – шепнул Макрон на ухо другу.

– А до тех пор, – закончил речь Осторий, – предлагаю всем отдохнуть. Вечером вам потребуется ясность ума. Все свободны.

Осторий направился на квартиру опциона, а трибуны и телохранители разошлись по казармам.

– Ну что, идем? – предложил Макрон. – У одного из губернаторских телохранителей есть кувшин с приличным вином, и я пообещал сыграть на него в кости. Присоединяйся, если хочешь.

Предложение друга прельщало Катона. Приятно отвлечься от мрачных мыслей и скоротать пару часов в компании Макрона и других воинов. Однако теперь он префект, старший по званию, и об этом не следует забывать ни самому Катону, ни легионерам даже в свободное от службы время.

– Нет, спасибо, – покачал головой Катон. – Мне нужно кое о чем подумать.

– Опять скучаешь по жене? – улыбнулся Макрон.

– Мне ее все время не хватает, – признался Катон.

– Ну, скоро тебе будет не до грусти. – Макрон хлопнул друга по плечу и направился к выходу.

Проводив Макрона, Катон взобрался на сторожевую башню и устремил взор на запад, туда, где за волнистой линией горизонта скрылось солнце. Там, в нескольких милях от заставы, находились священные каменные кольца и лагерь представителей местных племен, среди которых есть и друиды. От воспоминаний о друидах Темной Луны по спине пробежал холодок. Они с Макроном сражались против друидов во время предыдущей службы в Британии. Жестокость этих свирепых фанатиков по отношению к римлянам не знала предела. И если друиды решили приехать на сход племен, они, несомненно, приложат все силы, чтобы убедить остальных истреблять римские легионы и даже племена, которые в данный момент являются союзниками Рима. Вот реальная опасность, нависшая над римлянами. И вполне возможно, что призывы Остория к мирному разрешению конфликта закончатся всеобщим бунтом, который поставит находящуюся в затруднительном положении римскую армию перед необходимостью сражаться с превосходящими силами противника. Самое страшное, если перед племенами предстанет Каратак собственной персоной и уговорит племена принять участие в войне против захватчиков. От этих мыслей Катон зябко поежился.

– Что, холодно?

Катон оглянулся и увидел на верхней ступеньке лестницы Боудикку.

– Да, немного замерз. День выдался тяжелый, и я устал.

Боудикка зашла в сторожевую башню, но Катон уже успел справиться с расшалившимися нервами. Королева встала рядом и проследила за взглядом Катона.

– Завтра будет еще тяжелее и утомительнее. По-моему, губернатор Осторий совершает ошибку. Не надо было все это затевать. Никакие посулы не удовлетворят враждебные Риму племена, и, разумеется, хозяева губернатора в Риме не пожелают выполнять данные обещания.

Катон с тоской подумал, что королева права, но он не сомневался в искреннем стремлении губернатора избежать дальнейшего кровопролития.

– Возможно, так и есть, – нехотя согласился он.

– Тогда что мы тут делаем?

Катон быстро огляделся по сторонам и, убедившись, что их не подслушивают, зашептал:

– Осторий – старый больной человек, изнуренный бременем высокой должности. И ему больше всего хочется поскорее вернуться домой к семейному очагу и насладиться остатком жизни в мире и покое. Еще одного похода ему не пережить. Боюсь, это место его окончательно доконало.

– Тогда пусть уезжает и заберет свои легионы.

Катона удивила прозвучавшая в голосе Боудикки ярость. Ведь в последние два дня отношения между римлянами и иценами были вполне дружелюбными.

– Ты же знаешь, этого никогда не произойдет.

– Тогда всем придется жить с последствиями его политики, – тихо промолвила Боудикка и вымученно улыбнулась. – Ну ладно, хватит. Старые друзья должны гнать печальные мысли прочь. Мы делили горе и радости, и нашу дружбу не так легко разрушить. Скажи, Макрон все еще сердится, что я тогда вышла замуж за Прасутага? Я пыталась объяснить, что выбора нет.

– Макрон остается верен себе и не носит в сердце обиды. Он испытывал к тебе сильные чувства, но когда ты отдала руку другому мужчине, он погрустил, посердился, да и забыл. Такой уж он человек. Едва ли он затаил зло на тебя или Прасутага.

– Мне бы твою способность к философствованию.

– Ну уж поскольку речь зашла о Макроне, вряд ли уместно упоминать философию, – хмыкнул Катон. – Если хочешь нанести ему смертельную обиду, назови в лицо философом.

Боудикка рассмеялась, а потом вдруг стала задумчивой.

– И все же хочется верить, Макрон не так быстро предал забвению нашу любовь, как ты пытаешься меня убедить.

В голосе королевы слышались нотки сожаления, и Катона обожгло чувство вины. Ему и в голову не приходило, что друг может вызвать в сердце Боудикки такие глубокие переживания. Макрон был замечательным воином, каких на свете мало, и преданным другом. Однако обладал он и некими иными качествами, которые, по мнению Катона, вряд ли могли понравиться женщине, если она не зарабатывает на жизнь известным древним ремеслом. Катон тут же устыдился гаденьких мыслей, ведь Макрон был его самым близким и верным другом, и префект испытывал к нему братские или даже сыновние чувства.

Внимание Катона привлекла вспышка света у невысокого хребта на горизонте, где в предзакатных лучах на фоне разъяснившегося неба сияло солнце.

– Как красиво, – прошептала Боудикка.

– Да, – кивнул Катон, но его мысль продолжала работать.

Невозможно определить, на чем зиждется дружба. То же самое можно сказать и о любви. Макрон обладал неким не поддающимся описанию качеством, которое привлекало

Боудикку. Вероятно, это верно в отношении любого человека – в каждом есть черты характера, вызывающие отклик в душе представителя противоположного пола.

– Взгляни! – Боудикка подняла руку и показала на запад.

Катон прервал неуместные размышления, увидев во мраке яркий огонек недалеко от холма, за который село солнце. Потом загорелся еще один и еще, и вскоре пламя приняло форму узкого эллипса, от которого отходила в сторону огненная линия. Один из часовых тоже заметил огни и стал колотить острием копья по медному котлу, что висел у ворот заставы, подавая сигнал тревоги. Вскоре появился опцион и приказал занять позиции вдоль ограды. Дверь ближайшей казармы распахнулась настежь, и на улицу выбежал Макрон со шлемом в одной руке и кольчугой в другой. Следом за ним вышли остальные римляне, и один из них направился к Осторию. Прасутаг и его воины тоже покинули предоставленное им жилье, стали взбираться по покрытой дерном внутренней стене на устланную досками дорожку за изгородью из заостренных кольев. А часовой все грохотал по котлу.

– Черт бы тебя побрал! Перестань греметь! – рявкнул Макрон, надевая кольчугу. – Доложи обстановку! Что ты увидел?

Ответить часовой не успел, так как его опередил Катон.

– Вижу огни на западе! – крикнул он во весь голос со сторожевой башни.

Последний воин занял свое место у изгороди, и в этот момент на дорожку, тяжело дыша, взобрался Осторий. Теперь многочисленные огни были отчетливо видны, и над рядами воинов повисло тяжелое молчание.

– Что это? – решился, наконец, заговорить один из младших трибунов. – Похоже на армию на марше.

– Полагаю, это Авибарий, – откашлявшись, промолвил Осторий.

– Верно, римлянин, – раздался мощный голос Прасутага. – Это он.

Прасутаг глянул на сторожевую башню и, увидев жену, нахмурился. В следующее мгновение великан уже взбирался по лестнице наверх, и под его тяжестью вся конструкция слегка покачнулась. Взойдя на площадку, Прасутаг обменялся с Катоном краткими приветствиями на языке иценов и встал между префектом и супругой.

– Кострами отмечена граница священных камней, – сообщил Прасутаг. – Когда умирает солнце, мир освещает огонь. Когда жрецы отдадут приказ.

– Жрецы? – У Катона перехватило дыхание. – Ты говоришь о друидах?

Прасутаг кивнул в ответ.

– Они готовят место для встречи. Сначала нужно исполнить ритуалы и совершить жертвоприношение, чтобы умиротворить духов и задобрить наших богов.

– И какие приносятся жертвы? – тихо поинтересовался Катон, но Прасутаг не ответил. Он напряженно всматривался вдаль.

– Скоро за нами пришьют, – наконец, сообщил он на ломаной латыни.

– Так скоро?

– А чего ждать? – пожал плечами король племени иценов. – У вас еще остались незаконченными какие-то дела? – Он устремил на супругу многозначительный взгляд.

– Мы вспоминали прежние дни, мой король, – с недовольным видом откликнулась Боудикка. – Когда мы четверо были друзьями.

– Это было так давно. С тех пор много воды утекло, многое переменялось. Теперь ты моя супруга и королева народа иценов.

– А как же наша дружба? Неужели она умерла? – обратился к Прасутагу Катон.

– Разве можно назвать другом человека, который обирает тебя до нитки?

– Ты имеешь в виду Рим, – улыбнулся Катон. – Но мы с Макроном ничего у тебя не забирали, так почему нам не остаться друзьями, как в прежние времена?

Прежде чем ответить, Прасутаг удивленно поднял брови:

– Потому что вы – римляне.

– Впереди какое-то движение! – крикнул младший трибун. – К нам скачет всадник.

– Благодарю, трибун Дециан, – сурово оборвал его Осторий. – Может, я и становлюсь стар, но пока еще не ослеп.

– Каковы будут ваши приказы, господин губернатор? – обратился к Осторию командир заставы.

– Пусть ваши люди выстроятся в боевой готовности вдоль ограды и зорко следят за противником. Надеюсь, этих воинов нельзя застигнуть врасплох, верно?

– Верно, господин губернатор, – улыбнулся опцион.

– Думаю, вам и вашей свите лучше держаться в стороне, – обратился губернатор к Прасутагу. – И не создавать впечатления, будто вы находитесь под моим покровительством.

– Народ иценов не нуждается в покровительстве, – скрипнул зубами Прасутаг.

– Разумеется, вы правы, – поспешил согласиться Осторий. – Просто разумнее не провоцировать ваших соплеменников и не давать лишний раз повод для поспешных выводов.

После минутного колебания Прасутаг отдал приказ своим воинам и стал спускаться со сторожевой башни. Бросив исподтишка виноватый взгляд на Катона, Боудикка последовала за супругом. Люди Прасутага тоже спустились с покрытого дерном крепостного вала, и теперь приближающийся к заставе всадник их не видел. Вскоре стук копыт стал более отчетливым, и возле рва показалась темная тень. Всадник что-то выкрикнул на своем языке.

– Черт возьми, куда запропастился переводчик! – гневно прошипел Осторий. – Маркоммий, ко мне, быстро!

Переводчик, протиснувшись мимо трибунов, встал рядом с губернатором.

– Что он сказал?

– Спрашивает вас, господин губернатор.

– А откуда ему известно, что я здесь?

Маркоммий обменялся парой фраз со всадником.

– Он говорит, за нами следили от самой Каллевы. А также за отрядом иценов. Остальные ждали нашего прибытия, чтобы начать церемонию. А теперь гонец просит нас и короля Прасутага следовать за ним к священным кольцам.

– Кто он такой? Пусть назовет свое имя! – потребовал Осторий.

Катону со сторожевой башни было хорошо видно гонца в темных одеждах, с беспорядочно развевающимися волосами. Префект сразу понял, кто перед ними, прежде чем переводчик успел раскрыть рот.

– Это друид, господин губернатор. Говорит, его имя известно лишь приверженцам этого культа. Таков обычай. И он... снова просит вас следовать за ним вместе со свитой.

– Просит? – хмыкнул Осторий. – Подозреваю, он выразился более категорично. Мне нужен точный перевод со всеми нюансами.

– Слушаюсь, господин губернатор.

– Скажи, мы немедленно отправляемся в путь. А вы помните, – обратился губернатор к офицерам, – ничего не предпринимать и не говорить без моего приказа.

– А если с вами произойдет несчастье? – задал Дециан давно мучивший его вопрос.

– Тогда придется действовать по своему усмотрению, – криво усмехнулся Осторий. – Впрочем, все предельно ясно. В случае моей гибели командование принимает префект Катон. Кстати, вот он.

Офицеры, подняв головы, наблюдали за спускающимся со сторожевой башни Катонем. Он прекрасно знал свои обязанности, однако перспектива командовать людьми в отчаянной ситуации вызывала тревогу.

Лошади, привыкшие, что их в конце дня расседлывают и сытно кормят, возмущенно храпели. Животным явно не хотелось снова облачаться в тяжелое снаряжение. Децимус при-

смастривал за мулами, радуясь в душе, что не придется ехать верхом вместе с господами. На землю уже спустилась ночь, Осторий приказал открыть ворота крепости и вывел отряд навстречу друиду. Всадник поджидал губернатора, не двигаясь с места. Подъехав ближе, Осторий придержал коня, а друид, прищелкнув языком, пустил свою лошадь вперед. Катон и Макрон ехали следом за губернатором и переводчиком, получив возможность рассмотреть сопровождающего. Вблизи друид имел еще более дикий и жуткий вид. Он не спускал с Остория надменного взгляда.

– Пусть не надеется запугать нас своей злобной рожей, – сердито прошипел Макрон. – Эх, если бы не приказ, уж я бы поставил ублюдка на место!

– Еще не время, Макрон, – прошептал в ответ Катон. – Но, по-моему, тебе скоро представится такой шанс.

Друид отвлекся от губернатора и пустил коня медленным шагом вдоль колонны. Осторий смотрел прямо перед собой, всем своим видом показывая, что пристальное внимание друида не может вывести его из равновесия. Вскоре всадник поравнялся с Катоном и Макроном, который озорно подмигнул ему, расплываясь в улыбке. Друид прорычал в ответ нечто похожее на проклятие и двинулся дальше. Молодые трибуны, глядя на командира, старались держаться бодро и не выдавать нахлынувшей тревоги. Доехав до Прасутага и его свиты, друид остановился. В воздухе повисла напряженная тишина. Потянув носом воздух, друид с отвращением поморщился и плюнул под ноги королю иценов, а затем что-то сказал на своем языке.

– Что он говорит? – с невозмутимым видом поинтересовался Осторий.

– Что ицены слишком долго находятся в компании римлян и теперь так же мерзко воняют.

– Кто бы говорил! – скривился Макрон. – Каково слышать подобные дерзости от вылезшего из болот волосатого чудовища!

– Придержи язык, – тихо предостерег друга Катон.

Друид неожиданно издал хриплый гортанный клич и, развернув косматого коня, снова направил его в голову колонны. Подъехав к Осторию, он подал знак, предлагая следовать за собой к светящимся в отдалении огням. Ночной воздух наполнился глухим стуком копыт и позвякиванием доспехов.

– Он едет слишком быстро, – пожаловался трибун Дециан. – Впереди не видно ни зги. Следовать за ним на такой скорости – настоящее безумие!

– Если может он, должны суметь и мы, – сурово одернул Катон.

Вскоре трава под копытами лошадей сменилась утоптанной землей, и Катон понял, что колонна выехала на дорогу из Каллевы, а потому беспокойство за сохранность лошадей потихоньку улеглось.

Впереди дорога проходила через небольшую рощу, а затем поднималась на гребень невысокого холма. Друид, хорошо знакомый с местностью, остановился, поджидая римлян. Взобравшись на вершину холма, Катон увидел в низине священные камни Авибария, и от этого зрелища перехватило дыхание. Внизу простиралась огненная дорога в полмили длинной и пятьдесят футов шириной, по обе стороны которой виднелись каменные столбы. В конце дороги находилось круглое пространство, внутри которого также стояли камни, а на вершине земляной насыпи горели огни. В том месте, где огненная дорога врезалась в земляные укрепления, располагались открытые ворота, а на противоположной стороне кольца стояло два монументальных обелиска, поперек которых лежала плита. Перед этим сооружением находился каменный алтарь, едва заметный даже при ярком свете огней, так как он был сплошь покрыт кровью, проливавшейся здесь в течение многих лет. По проходу по направлению к воротам двигался людской поток. Друид, прищпорив коня, указал жестом на

ближайший к римлянам конец прохода, где на свободном участке столпились сотни людей и лошадей.

Всадники спустились по покатоному склону и вскоре приблизились к толпе, которая при виде друида и его спутников шарахнулась в сторону. Проезжая сквозь ряды местных жителей, Катон чувствовал на себе взгляды сотен глаз, но ни приветственных возгласов, ни враждебных выкриков в адрес римского губернатора и его спутников не раздавалось. До самого прохода их сопровождало гробовое молчание. Здесь друид остановил коня и спешился. Тут же к вновь прибывшим бросилось несколько мальчиков, чтобы забрать поводья. Дождавшись, когда римляне будут готовы продолжить путь, друид взмахнул рукой и выкрикнул короткий приказ, после чего ступил в проход.

Большинство приехавших на сход уже зашли в круг, и на дороге из огня и камня осталась лишь завершающая часть процессии. Друид прибавил шаг, но Осторий, не желая выпускать инициативу из рук, задал своим спутникам более умеренный темп. Оглянувшись, друид обнаружил, что расстояние между ним и римлянами увеличивается, и в бессильной злобе обнажил зубы в свирепом оскале. Однако ему пришлось остановиться и ждать, когда подтянутся римляне. Больше он не пытался вырваться вперед. По обе стороны от процессии римлян в отблесках пламени вырисовывались фигуры людей, и это мрачное зрелище пробудило в душе Катона недобрые предчувствия.

– Не нравится мне это место, – буркнул рядом Макрон, инстинктивно хватаясь за рукоять меча. Однако он тут же опомнился и отдернул руку. – Если начнется заваруха, до лошадей слишком далеко. Даже если мы сумеем к ним пробиться.

– Ну, если вспыхнет драка, нам просто не позволят выбраться из круга, – возразил Катон.

– Благодарю за оптимизм и поддержку. Так-то ты собираешься вселять мужество в воинов своей когорты!

– Самая горькая правда лучше сладкой лжи, мой друг.

Презрительно фыркнув, Макрон замолчал, продолжая настороженно следить за тем, что творится вокруг. Наконец римляне дошли до входных ворот, ведущих в круг, и Катон увидел, что они унизаны непонятными предметами, похожими на крупные жемчужины. И только при ближайшем рассмотрении он понял, что это висящие на штырях лицом вниз черепа.

– Всемогущий Юпитер-Громовержец! – в ужасе выдохнул Дециан. – Что это? Храм или бойня?

– И то, и другое, – тихо объяснил Маркоммий. – Наши боги время от времени требуют жертв.

– Варвары! – Дециан смотрел на переводчика с нескрываемым омерзением.

– Никто не приглашал тебя на нашу землю, римлянин.

– Ну, раз уж мы здесь, то пора положить конец подобным зверствам.

– Прикусите языки! – оглянувшись, пригрозил Осторий.

Римляне проехали через дубовые ворота высотой пятнадцать футов, и Катон прикинул, что черепов не меньше сотни. Он всем своим существом ощущал присутствие мрачных призраков мертвых, враждебно взирающих на вторгшихся в Британию пришельцев. И вот уже перед ними открылся огромный круг. Представители местных племен, прибывшие раньше, уже заняли места по его внешней границе. Друид показал рукой на открытый участок слева от алтаря и что-то сказал переводчику.

– Он просит вас стать туда, господин губернатор. Ицены должны находиться рядом с вами.

– Хорошо, – согласился Осторий.

Взоры всех присутствующих были прикованы к римлянам и воинам иценов, когда они проходили по самому центру святилища.

– А горные племена тоже здесь? – обратился Катон к Маркоммию. – Ордовисы и силуры?

Переводчик стал присматриваться к выстроившимся по кругу людям, а Катон сразу отметил некоторые различия в одежде и прическах.

– Их нет, – покачал головой Маркоммий. – Каратака тоже не видно. Ничего удивительного, ведь всем известно: римляне только и ждут удобного момента, чтобы его схватить.

– Губернатор гарантировал неприкосновенность всем участникам схода. Даже Каратаку.

– Такие обещания с легкостью нарушаются.

Катон бросил взгляд в сторону Остория.

– Достойнейшие из римлян держат данное слово.

Между каменных столбов за алтарем возникла фигура, облаченная с головы до пят в черный балахон. Голову друида украшала кожаная шапка с расходящимися в разные стороны оленьими рогами, похожими на голые ветви деревьев зимой. Римляне и ицены заняли предназначенные для них места, и друид, служивший проводником, поспешно присоединился к стоявшим возле алтаря собратьям. Над кругом воцарилось молчание, и вдруг друид с оленьими рогами взошел на алтарь и воздел к небу руки с распростертыми пальцами. В свете горящих на земляном валу факелов давно не стриженные, неухоженные ногти казались хищными когтями. Друид заговорил нараспев высоким голосом, а когда он умолкал, ему вторили остальные.

– О чем это они? – шепотом спросил у Маркоммия Макрон.

– Молятся, чтобы все присутствующие проявили мудрость и исполнили волю богов своих племен. Верховный друид просит божественных духов выразить свою волю нашими устами... А взамен предлагает дар.

– Что за дар? – насторожился Катон.

Маркоммий не успел ответить, так как в этот момент между столбов появилась еще одна фигура: мальчик-подросток в белых одеждах, с гирляндой омелы на шее. С широко раскрытыми глазами мальчик медленно направился к алтарю, и было видно, как дрожат его губы.

Глава 9

Вслед за мальчиком шел мужчина в разрисованном плаще. Одну руку он положил на плечо мальчику, а вторая бессильно повисла вдоль тела. Мужчина изо всех сил старался не выдавать своего отчаяния, и когда подросток приблизился к алтарю, нежно поцеловал его в маковку и на мгновение замер. В этот момент верховный жрец выкрикнул команду, и мужчина в ужасе отпрянул, открыв рот в безмолвном крике. К нему тут же подошли два друида и увели на прежнее место.

– Во имя Аида, что здесь происходит? – рыкнул Макрон. – Объясни, Маркоммий! Неужели мои подозрения оправдались?

– Богам приносится в жертву невинное дитя. А мужчина – его отец.

– Что?! Какой отец согласится принимать участие в этом кошмарном фарсе!

– Стать избранным – высокая честь, римлянин. Смотри, мальчик идет на алтарь добровольно. А когда жертвоприношение совершится, отец будет пользоваться уважением соплеменников.

– Как можно уважать человека, отдавшего на заклятие собственное дитя?

Голос Макрона дрожал от гнева, и Катон, зная повадки своего друга, испугался, что тот бросится на жрецов и попытается остановить ритуал. Разумеется, не думая о последствиях.

– Макрон, прошу, держи себя в руках. – Катон стиснул пальцами запястье друга. – Мы здесь бессильны и не можем изменить происходящее.

– Это мы еще посмотрим! – оскалился центурион, вырывая руку.

– Не смей. – Катон стал перед Макроном, заслоняя собой алтарь. – Оставайся на месте.

Это приказ.

Макрон в растерянности смотрел на префекта, не веря своим ушам.

– Катон, дружище, ты что, шутишь?

Мольба в голосе друга болью отозвалась в сердце Катона. Так хотелось признаться, что он разделяет чувства друга и тоже хочет помешать жуткому ритуалу. Но тут же в нем заговорил солдат, подчиняющийся приказам. А пока надо спасать Макрона.

– Держите его, – обратился Катон к двум телохранителям. – А если окажет сопротивление или начнет кричать, оглушите.

– Как, господин префект? – растерялся один из легионеров.

– Выполняйте приказ! – рявкнул Катон. – Да поторапливайтесь, пока нас всех не перебили по его милости.

Легионеры схватили Макрона, но тот был слишком потрясен, чтобы сопротивляться, и лишь с беспомощным видом смотрел на друга.

– Да что же это творится?

– Мы не можем спасти мальчика.

– Что там у вас? – послышался суровый голос Остория, продвигавшегося к месту происшествия. Легионеры на секунду замешкались, и Макрон высвободился из их рук. – А ну заткнитесь, черт бы вас побрал. Смирно! Объясните, префект, что здесь за возня!

– Уже все уладили, господин губернатор, – поспешил успокоить Катон. – Верно, Макрон?

Макрон на мгновение встретился глазами с другом, а потом в отчаянии опустил голову и сгорбился. Катон повернулся к нему спиной, чтобы загородить жуткое зрелище. Мальчик пытался взобраться на алтарь, но это ему не удавалось не то от страха, не то от нехватки сил. Вперед выступил верховный друид и, схватив подростка за талию, бросил на алтарь и крепко прижал к камню с распростертыми руками. Затем друид повернул голову мальчика к центру круга и, воздев руки к небесам, закинул назад увенчанную оленьими рогами голову и затянул нараспев молитву. Голос жреца поражал мелодичностью и богатством оттенков, каждую фразу за ним повторяли сначала все друиды, а затем собравшиеся на сход представители многочисленных местных племен. Даже лежащий на жертвенном алтаре мальчик. Его глаза были широко раскрыты, а губы шевелились, будто жили отдельной от тела жизнью. Песнопение становилось все громче, и Катон вдруг почувствовал, как чужая молитва проникает через уши в мозг, оплетая щупальцами все тело, растворяя его в мерном ритме заклинаний.

Но вот наступила кульминация: верховный жрец встал, сжимая в обеих руках кинжал с узким лезвием. Друид медленно поднял кинжал, и на отполированной стали блеснуло отражение пламени. Глаза всех присутствующих были прикованы к алтарю. Катон украдкой взглянул на друга. Макрон, стиснув зубы, придерживал левой рукой правую, инстинктивно тянущуюся к рукояти меча. В этот момент песнопение внезапно прекратилось, будто у всех присутствующих одновременно перехватило дыхание. В воздухе повисла благоговейная тишина, лишь тихо шелестел легкий ветерок да потрескивал огонь в кострах.

Верховный друид, издав звериный вопль, с размаху вонзил кинжал в сердце подростка. От сокрушительного удара руки и ноги жертвы судорожно дернулись, а из легких вырвался предсмертный хрип, похожий на плач. Голова мальчика откинулась назад, нижняя челюсть отвисла, а пронзенное кинжалом тело все еще корчилось на алтаре. Кровь быстро пропитала белые одежды, заливая камень. Темное пятно постепенно расплзлось, и кровь уже стекала струйками по алтарю. Мальчик затих, и по рядам присутствующих пронесся свистящий звук, знаменующий смерть жертвы.

– Больные на голову убудки! – простонал сквозь зубы Макрон. – Безумные дикари!

Катон шепотом попросил друга замолчать. Собравшиеся по внешнему краю круга люди смотрели на жреца, а тот уже приступил к работе и вскрыл кинжалом грудную клетку покойника. В холодный воздух вырвалось облачко пара, друид подался вперед, погрузил руку в рану и извлек окровавленный кусок плоти, который принялся внимательно рассматривать. Катон догадался, что это сердце мальчика, и к горлу тут же подкатила тошнота.

Выдержав паузу, верховный друид опустил вниз руку, сжимающую сердце жертвы, и, оглядев зрителей, что-то объявил. По толпе пронесся вздох облегчения.

– Верховный друид говорит, что сердце здоровое и сильное, богам такой дар понравится, – тихо просвещал римлян Маркоммий. А друид повернулся к небольшой жаровне, горевшей у алтаря, и швырнул сердце в огонь. Пламя ярко вспыхнуло, и в ночные небеса поднялось огромное дымное облако. Катон понял, что это трюк, и друид вместе с сердцем бросил в огонь какое-то снадобье. Однако зрелище получилось впечатляющее и явно поразило толпу. Вдруг Катон заметил, что в это же мгновение верховный друид исчез, словно его поглотила земля. В толпе послышался тревожный шепоток, но тут вперед вышел друид, сопровождавший римлян и иценов на сход, и, подняв руку, успокоил людей.

– Он говорит, что сход племен можно начинать.

Губернатор кивнул в знак согласия, а друид продолжал говорить с толпой.

– Он говорит, что вы пригласили представителей племен с намерением обсудить условия длительного мира между Римом и королевствами Британии. Некоторые племена уже присягнули на верность Риму, но многие продолжают оказывать сопротивление. Однако и без участия Рима между рядом племен царит вражда и вспыхивают конфликты. Жрец напоминает всем собравшимся, что здесь священная земля друидов, и только они имеют право пролить кровь в пределах круга. Кроме того, римляне гарантировали беспрепятственное прохождение всем, кто явился на сход, как союзникам, так и противникам. А следовательно, на протяжении всей встречи никто не смеет затевать драки и задевать честь присутствующих. Любой, нарушивший эти правила, навлечет на себя и своих людей несмываемый позор и гнев богов. Если кто-либо из присутствующих не согласен с предлагаемыми условиями, он волен покинуть сход.

Друид умолк в ожидании ответа. Однако все молчали и не двигались с места.

– Хорошо. Тогда прошу губернатора этой части наших земель, именуемой в настоящее время провинцией Британия, произнести обращенную к племенам речь.

Поклонившись Осторию, друид отошел к алтарю. Подав знак переводчику, Осторий, под всеобщее молчание, уверенной поступью направился в центр круга. Заняв предназначенное для него место, губернатор осмотрелся по сторонам. Вокруг царила мертвая тишина: ни приветственных возгласов, ни гневных выкрикиваний. Безмолвие. Откашлявшись, Осторий начал свою речь, а переводчик переводил его слова на ритмичный кельтский язык.

– Я, Осторий Скапула, претор Рима, губернатор Британии и командующий наземными и морскими силами, базирующимися на острове, приветствую всех пришедших на сход. Мои слова относятся и к силурам, и ордовисам, являющимися заклятыми врагами Рима и всех его ценностей. – Губернатор сделал короткую паузу. – Прошло почти восемь лет с того дня, когда наши легионы высадились на остров. В первые же месяцы мы нанесли поражение самой сильной армии, которую смог собрать Каратак. И не единожды, а три раза. С тех пор ничто не стоит на пути у Рима. Ни ваши армии, несмотря на беззаветную храбрость воинов, ни горные крепости, какими бы неприступными они вам ни казались. Несмотря на достойное всяческой похвалы мужество, вы не можете победить нас в открытом сражении. Наши воины лучше обучены и экипированы. Они одержали триумфальные победы над блистательными армиями Карфагена, Греции и Галлии. Нас не остановили ни высокие горы, ни дремучие леса Германии. И не существует реки, какой бы быстрой и широкой она ни была, через которую мы не смогли бы в считанные дни построить мост. Нас ничто не остановит, каким бы долгим ни был путь. Если император дал приказ, результат может быть только один – победа. Вот так обстоят дела. Рим умеет воевать. За сопротивление вы платите сожженными дотла городами, деревнями и фермами, а ваших женщин и детей заковывают в цепи и продают в рабство. Но мы умеем не только воевать, но также строить мирную жизнь. Рим несет порядок и благосостояние всем, кто становится нашими союзниками и принимает наше покров-

вительство. Да, приходится платить налоги. Но такова цена мирной жизни. Примите наши законы и обычаи, и со временем поймете, что римский образ жизни обеспечит вам будущее и послужит насущным интересам.

Вперед выступил высокий воин мощного телосложения, представляющий одно из племен, и с горечью в голосе заговорил на своем языке, указывая пальцем на губернатора.

– Это Венут из племени бригантов, – пояснил переводчик. – Супруг королевы Картимандуи.

– То есть король?

– Нет, господин губернатор. Племенем правит королева, а Венут ее супруг и не разделяет любви жены к римлянам.

– Понятно. И что же говорит супруг королевы?

– Возмущается наглостью вашей речи. Тем, что вы посмели призвать племена подчиниться Риму и сделали это на земле, которая является для всех нас священной с незапамятных времен. Обвиняет вас в попытке заставить нас отречься от своих богов.

Слова Венута вызвали возмущенный ропот, но Осторий поднял руку, призывая к тишине. Сердитые голоса умолкли, и губернатор продолжил речь:

– Рим не собирается отнимать ваших богов и не посягает на священные места. Можете и дальше исповедовать свою веру или принять нашу, как пожелаете. Если хотите, придерживайтесь нашего образа жизни, а нет – живите по-старому. Выбор за вами. Но вы должны научиться жить по римским законам при римском правлении. Согласитесь, мизерная плата за возможность остановить долголетнюю войну, а заодно и все межплеменные конфликты и стычки.

Выслушав губернатора, Венут не замедлил с ответом, и голос его звучал так же гневно.

– Он говорит, что именно так привыкли жить племена. Как иначе может воин проявить себя? Он должен показать всем свое мужество и ловкость в бою, и отнять у него такую возможность все равно что лишить смысла жизни.

– Значит, воинам придется поискать иную цель в жизни, – твердым голосом заявил Осторий. – Пусть станут фермерами или пойдут добровольно служить в ряды наших наемных отрядов. Другого будущего для них нет. Надо смотреть правде в лицо. Ваши воины должны отказаться от прежних замашек или пасть на поле брани, сражаясь с римскими легионами.

Венут ответил злобным смехом.

– Он говорит, вы не оставляете выбора.

– Наоборот, предлагаю выбрать между жизнью и верной смертью.

Маркоммий перевел слова губернатора, и из толпы послышались возмущенные крики протеста. У Катона возникли опасения за безопасность Остория, который, по его мнению, перегнул палку. Но тут из-за круга вышел следующий оратор и поднял руку, призывая соплеменников успокоиться. Это был крепкий мужчина, успевший обрасти жирком, с обвисшими щеками, обрамленными аккуратно подстриженной бородой. Он был одет в тканый плащ и свободные штаны, однако под плащом виднелась туника на римский лад, да и волосы подстрижены короче, чем у остальных местных жителей. Мужчина с уверенным видом вышел в центр круга и ждал, когда страсти улягутся.

– Это еще что за клоун? – поинтересовался Макрон.

– Нетрудно догадаться, – откликнулся шепотом Катон. – Когидубнус, из племени регнов.

– Тот, что продался раньше, чем на землю Британии ступил первый римлянин?

– Он самый.

– Уж лучше бы этот тип не выступал на нашей стороне, – заметил Макрон, видя, с каким презрением смотрят на Когидубнуса представители других племен.

– Прежде всего хочу выразить искреннюю благодарность губернатору за то, что он предлагает нам заключить долгий и прочный мир, – четким проникновенным голосом заговорил Когидубнус. – Вы все меня знаете: я – король Когидубнус, и скажу прямо, что тоже воспитывался как воин. И не раз водил свой народ в бой. Нет нужды искать подтверждения моим словам. Я пришел сюда поддержать предложение губернатора Остория Скапулы. Рим действительно показал себя могущественным союзником и другом моего народа. Могу смело утверждать, приход римлян принес нам выгоду, и регны не исключение, это относится ко всем племенам, которые примут руку дружбы, протянутую губернатором.

– Предатель! – выкрикнул на латыни голос из толпы, а затем повторил это же слово на местном диалекте.

Когидубнус, нахмурившись, вместе с остальными устремил взгляд в ту сторону, откуда прозвучало обвинение. Среди местных жителей началось движение, и вперед вышел воин богатырского телосложения. Откинув капюшон плаща, он открыл взору длинные белокурые волосы. В ту же секунду раздался хор взволнованных голосов, а Маркоммий лишь в изумлении покачал головой:

– Каратак...

Глава 10

Заклятый враг Рима вышел вперед и остановился на расстоянии вытянутого меча от Когидубнуса. Сжав кулаки, он смерил короля регнов полным презрения взглядом и заговорил громким голосом, слышным в последних рядах толпы. Маркоммий тут же приступил к своим обязанностям.

– Еще бы, ты своей выгоды не упустил. Всем известно о великолепном дворце, что строят для тебя римляне. Шикарная будка для любимой императорской собачонки. А ты и есть комнатная собачонка. Точнее, дворняга, которая выклянчивает лакомые кусочки с хозяйского стола. Наполовину бритт, наполовину римлянин. Когидубнус, ты продал честь и душу за блестящие безделушки, и да покроется навеки твое имя позором.

Когидубнус открыл рот для ответа, но Каратак с грозным видом двинулся на него, и король регнов сразу сник, торопливо пятясь к своим подданным. Каратак проводил его гневным взором, а потом, отмахнувшись, словно от назойливого насекомого, повернулся к толпе.

– Вы все меня прекрасно знаете, всем известно, что я сражаюсь с римлянами с первых дней их вторжения в наши земли. И я ни разу не уступил, не поддался врагу, нашему общему врагу! Я веду многолетнюю борьбу за нашу свободу, и пока орлы на штандартах римских легионов кружат над нашей родиной, всем нам уготована участь рабов. Такова горькая правда. Римский губернатор предлагает нам изменить образ жизни, забыть, кто мы такие и стать частью Римской империи. А разве легко отказаться от своей сути? – Каратак прижал руку к груди. – Я Каратак, король катувеллаунов, и хотя мое королевство больше не существует, я храню его здесь, в своем сердце. Храню память о своем народе, о нашей истории, о доблести в боях и надеюсь дожить до дня, когда римлян вышвырнут в море, как уже случилось прежде, когда их привел сюда в первый раз великий полководец Юлий Цезарь. И долгожданный день наступит, я верю в это так же свято, как в наших богов. – Он указал пальцем на Остория. – Римский губернатор предлагает забыть древние обычаи или погибнуть в бою.

То есть мы должны выбрать между спасением своей чести и рабским существованием, как паршивые псы. Нет ничего проще! Я выбираю честь и свободу!

Каратак выдержал паузу, чтобы смысл сказанного дошел до всех присутствующих на сходе. Из толпы послышались одобрителные возгласы, но многие молча наблюдали за Каратаком и не спешили поддержать.

– Губернатор уверяет, что наше сопротивление неминуемо закончится поражением. Да, верно, в предыдущих сражениях мы потерпели неудачу, однако стремление к свободе не угасло. Много лет мы ведем борьбу с Римом, и теперь битве в открытом поле предпочитаем иные методы. Мы нападаем на римские заставы, сжигаем припасы и убиваем дозорных. Медленно, но верно уничтожаем римские легионы. Все это время мы собирались с силами и предпринимали против нашего общего врага еще более дерзкие вылазки. В подтверждение своих слов хочу показать всем вот это.

Каратак подал знак силурам, и тут же вперед вышли два человека, которые держали под руки третьего. Его лицо скрывал капюшон, а ноги заплетались, как у пьяного. При всеобщем молчании воины выволокли его в середину круга. Все трое остановились перед Каратаком, а тот, наклонившись вперед, откинул с головы неизвестного капюшон. Взору присутствующих открылась копна кудрявых темных волос и изможденное лицо с черными провалами вместо глаз. Дрожа всем телом, несчастный издал нечеловеческий гортанный вопль ужаса.

– Ему отрезали язык! – догадался Макрон.

– Сейчас узнаем его имя, – сдавленным голосом откликнулся Катон.

Каратак отдал своим людям приказ отойти в сторону и швырнул искалеченного человека вперед, а тот, спотыкаясь, проковылял несколько шагов и упал на четвереньки. Из груди пленника вырвался приглушенный стон боли, и он пополз по утоптанной земле, стараясь оказаться как можно дальше от оглушительно хохочущего Каратака и его спутников. Вождь бриттов повернулся к Осторию и его свите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.